

ХЬЮБЕРТ СЕЛБИ-МЛ.



18+

ДЕМОН

От битника до Паланика

Хьюберт Селби-младший
Демон

«Издательство АСТ»

1976

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Селби-младший Х.

Демон / Х. Селби-младший — «Издательство АСТ», 1976 — (От битника до Паланика)

ISBN 978-5-17-118446-9

Гарри Уайт – удачливый бизнесмен, быстро шагающий по карьерной лестнице. Все его знакомые сходятся на том, какой он счастливеец: карьера стремительно идет вверх, а дома ждут красавица-жена и милые детишки. Только вот для Гарри этого недостаточно. Демон саморазрушения требует все новых жертв – мелкие кражи, измены со случайными женщинами. Ничто из того, что еще вчера заставляло его сердце биться сильнее, больше не работает. Остается переступить последнюю черту на пути к абсолютному злу – совершить убийство... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-118446-9

© Селби-младший Х., 1976
© Издательство АСТ, 1976

Содержание

1	6
2	19
3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Хьюберт Селби-мл. Демон

Hubert Selby Jr.

THE DEMON

Перевод с английского Т. Покидаевой

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Sobel Weber Associates, Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Серия «От битника до Паланика»

© The Estate of Hubert Selby Jr., 1976, 1989, 1994, 1998, 2000, 2002, 2003

© Перевод. Т. Покидаева, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Эту книгу я посвящаю
Биллу,
который
помог мне понять,
что иногда надо сдаться,
чтобы победить.*

*Кто одержим
страстью,
тот одержим бесом.*

*Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв
испытан, он получит венец жизни, каковой обещал Господь любящим
Его.*

*В искушении не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не
искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается,
увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав,
рождает грех, а сделанный грех рождает смерть.*

ПОСЛАНИЕ ИАКОВА I:12-15

*Я взыскал Господа, и Он услышал меня, и от всех страхов моих
избавил меня.*

*Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не
постыдятся.*

Сей нищий воззвал, – и Господь услышал его и спас от всех бед.

ПСАЛТИРЬ 33: 5-7

1

Друзья называли Гарри героем-любовником. Но он тащил в койку не всех подряд. Гарри предпочитал женщин... замужних женщин.

С ними меньше мороки. Если они согласны пойти с тобой, они точно знают зачем. Их не надо поить и кормить. Не надо обхаживать. Если они ждали чего-то такого от Гарри, то они глубоко заблуждались; если они начинали расспрашивать о его жизни или хоть как-нибудь намекать, что им хочется «отношений», Гарри тут же делал им ручкой. Он не хотел себя связывать, не хотел себя обременять. Он хотел получать удовольствие, сколько хочется и когда хочется, а потом уходить, улыбнувшись и помахав на прощание.

Секс с замужними женщинами создает дополнительную остроту ощущений. И дело не в том, что ты как бы крадешь жену у другого мужчины, Гарри это не нужно и не интересно, но его возбуждает необходимость принимать меры предосторожности, чтобы его не застукали в процессе. Когда не знаешь, что может произойти, ощущение опасности многократно усиливает возбуждение.

Иногда на досуге Гарри Уайт любил поразмыслить о том, почему в мире столько несчастных семей. Во всем виноват плохой секс, либо некачественный, либо вовсе отсутствующий. Количество женщин, живущих на успокоительных из-за хронической сексуальной фрустрации, наверняка исчисляется миллионами. А сколько женщин лечится в психиатрических клиниках от неврозов, вызванных малоудовлетворительной или отсутствующей интимной жизнью? Тысячи? Сотни тысяч? Сколько разрушенных браков, сколько несчастных детей, оставшихся без материнской заботы и ласки в этом горестном мире – и все из-за нехватки оргазмов!

Гарри не был сторонником феминизма, но считал вопиющей несправедливостью двойные стандарты в отношениях полов. Ни для кого не секрет, что мужья частенько, как говорится, ходят налево и не считают зазорным изменять своим женам, причем общество не то чтобы одобряет подобное поведение, но полагает его приемлемым. При этом женщина обязана сидеть дома, заниматься хозяйством, заботиться о детях и умолять своего благоверного, снова явившегося под утро после «посиделок с друзьями», чтобы он хоть иногда занялся с ней любовью. А если женщина не дожидается милостей от супруга – милостей крайне нерегулярных, нерадивых и не приносящих особого удовольствия, – если она находит ему разовую замену, ее осуждают, клеймят позором, обливают помоями, бьют или даже, страшно сказать, убивают. Нет, Гарри не был сторонником феминизма, но его удручала несправедливость сложившейся ситуации.

Вот он и старался по мере своих скромных сил как-то переломить ситуацию или хотя бы немного ее смягчить. Гарри действительно думал, что делает очень полезное дело. Кто знает, сколько готовых распасться браков удалось сохранить с его помощью? И, возможно, не только браков – и жизней тоже. Кто знает, сколько женщин живут и здравствуют лишь потому, что накопившееся напряжение от непрестанных разочарований не достигло критической точки, когда все разрешается безумием или смертью, а нашло выход стараниями Гарри Уайта, который с усердием исполняет свое предназначение?

Хотя Гарри работал в деловой части Манхэттена и тратил по два часа в день на дорогу до офиса и обратно, он продолжал жить с родителями в Бруклине. Неоднократно, как правило по утрам, в самые мутные понедельники после особенно бурных выходных, он подумывал о переезде поближе к работе, чтобы можно было неспешно, минут за десять-пятнадцать, проехаться на автобусе туда-сюда, но, отдохнув и набравшись сил, необходимых для хлопотных поисков съемной квартиры, он решал, что пока можно не торопиться. Никакой срочности нет. Он обдумывал все «за» и «против», тщательно изучал ситуацию и неизменно приходил к выводу, что

ему это не надо. Обычно он рассуждал так: прежде чем приступить к поискам новой квартиры, следует рассмотреть два варианта —

1. снимать жилье с кем-то на пару; или
 2. жить одному.
- По первому пункту также есть два варианта:
- a. с мужчиной
 - b. с женщиной

Хотя что тут думать? Вариант с женщиной – не вариант. Даже если она просто друг, платоническими их отношения пробудут недолго.

И как только она перестанет быть просто другом – а именно так и случится, – это существенно осложнит Гарри жизнь. Стало быть, женщина исключается сразу.

Таким образом, остается возможность снимать квартиру на пару с мужчиной. Каковы преимущества? На самом деле, преимущество только одно: разделив плату на двоих, можно найти жилье попроще.

Впрочем, Гарри не слишком волнуют вопросы финансов. Он хорошо зарабатывает, так что вопрос экономии у него не стоит.

Каковы недостатки? Их много. Придется зависеть от порядочности постороннего человека, который, возможно, будет не столь щепетильно, как ты, относиться к оплате своей доли счетов. У него может быть девушка, и она обязательно станет с тобой заигрывать, что создаст кучу ненужных проблем... И еще много причин. Но *самая главная* причина, которая перебивает все остальные, заключается в том, что Гарри категорически не желает, чтобы его как-то стесняли чьи-то чужие желания и потребности.

Остается единственный вариант: жить одному. Опять же, каковы преимущества?

Преимущество видится только одно: живешь ближе к работе – тратишь меньше времени на дорогу. Гарри уж точно не будет водить к себе женщин. Еще не хватало, чтобы какая-то баба узнала, где он живет. Господи Боже, они от него не отстанут. Он хорошо представляет, как это будет: они звонят ему день и ночь, а то и ломаются в дверь, когда у них засвербит в одном месте. Или кто-то из них вдруг рассорится с мужем, и заявит к Гарри, и объявит, что она подает на развод, потому что нашла замечательного человека, который позаботится о ней и о детях, и... Ох, нет. Нет. Нет, спасибо.

Иными словами, все остается как есть, но появляются дополнительные расходы, а также различные хлопоты из-за квартиры. Что касается женщин, Гарри по-прежнему будет ходить к ним домой, или домой к их подругам, или в отель, а у себя дома – лишь спать и периодически отдыхать от общения. То есть в тактическом плане переезд не имеет смысла.

И в практическом тоже. Когда живешь у родителей, тебе не надо готовить, стирать и гладить, бегать по магазинам и держать в голове список всего, что необходимо купить по дороге с работы; все это требует немалых затрат энергии, которую Гарри хотелось сберечь для чего-нибудь более важного и интересного.

Вдобавок надо учесть, что Гарри – единственный ребенок в семье, и родители довольны и счастливы, что он до сих пор живет с ними.

Каждый раз Гарри тщательно анализировал ситуацию и неизменно решал, что затевать переезд не имеет смысла.

Но за всеми логическими построениями Гарри Уайта, за всеми здравыми размышлениями, за пределами сознательного восприятия, прятался крошечный беспокойный росток, который дергался, и толкался, и влиял на решение Гарри гораздо сильнее, чем все остальное. Безопасность – вот *истинная* причина. Не безопасность ребенка в материнской утробе, а безопасность иного рода: от себя самого. Хотя на сознательном уровне Гарри старался не слишком

задумываться о своих внутренних побуждениях, этот настырный росток знал, что искушение может грянуть, когда ты совсем не готов, когда ты не сможешь его одолеть, когда не получится устоять, и кто знает, чем все закончится... наверняка чем-нибудь малоприятным...

но этот росток

также знал, что, как бы ни было велико искушение, Гарри ни при каких обстоятельствах не приведет женщину в дом к родителям посреди ночи и не станет им объяснять, что он спасает ее от мужа, поскольку муж ее не понимает и, вместе с детьми, не желает дарить ей любовь, которая ей так отчаянно необходима.

Нет, Гарри такого не сделает. Будет слишком неловко.

И потом, если подумать, два часа в день на дорогу – не так уж и плохо. Тут есть свои плюсы. Очень даже немалые плюсы.

В субботу играли в софтбол. Команда завсегдатаев «Кейси», бара на Третьей авеню, встречалась с командой «Свенсона», бара на Пятой. Сам Гарри пил мало, но плотно общался с ребятами из «Кейси», которых знал с детства, и играл с ними в софтбол по субботам, если у него не было других дел.

Сегодняшний матч был особенным, в нем решалось, какой бар круче; стенка на стенку, квартал на квартал; ирландцы против скандинавских лосей. Вдобавок к демонстрации шовинизма на игру были поставлены деньги, несколько сотен долларов.

Матч начинался в одиннадцать утра, и в половине одиннадцатого обе команды собрались на спортивной площадке на Шестидесят пятой улице, в полном составе, при всем оснащении, с друзьями-болельщиками и изрядным запасом пива. День выдался погожим и ясным, и местный народ потихоньку подтягивался к площадке посмотреть на игру. Детишки на велосипедах и роликах кричали друг другу, мол, пойдём зырить, как взрослые дядьки играют в софтбол; прохожие останавливались и с интересом наблюдали за происходящим на поле сквозь сетчатое ограждение.

Команды закончили разминку, и матч уже должен был начаться, но случилась небольшая заминка: двое парней, принимающих ставки, никак не могли разобраться с деньгами. Однако все решилось за пару минут, и игра началась.

Хотя Гарри уже давно не играл регулярно, он все равно оставался одним из лучших софболистов в районе. Во-первых, он почти не пил. Во всяком случае, пил не так много, как остальные ребята в обеих командах, и сохранял координацию движений ближе к концу игры, когда это было действительно важно. На внешнем поле он выступал точно не хуже других и отлично отбивал подачи, особенно когда был в настроении. А сегодня он был в настроении, в правильном настроении для игры.

Подброшенная монетка выпала в пользу «Кейси», они выбрали подавать первыми, отдали пиво друзьям и вышли на поле с топотом и криками – Вперед, вперед. На подачу, на подачу...

их питчер,

Стив, принялся разогреваться, бросая мячи товарищам по команде на внешнем и внутреннем поле. Главный судья, бармен, у которого сегодня был выходной, встал за питчерской горкой, еще двое судей заняли места у первой и третьей базы, и игра началась.

В первом иннинге «Кейси» выступили паршиво. Стив как будто не видел, куда подает, и катастрофа казалась практически неотвратимой. Раз за разом Стив запарывал свои подачи, в итоге первые трое бьющих получили по уоку, хотя на одиннадцатой подаче судья объявил страйк, и тут слабо забрезжил единственный лучик надежды, когда счет был 3:2, но Стив опять сплюховал, и третий бьющий все-таки получил уок. «Кейси» старались приободрить своего питчера, мол, не психуй, все нормально. Держись, малыш Стив, мы с тобой. Влупи ему, Стиви, влупи слабаку... и Стив посмотрел на своего кэтчера, а на домашнюю базу вышел, небрежно помахиывая битой, здоровенный рыжий норвежец по прозвищу Бойлер.

«Свенсоны» вопили как резанные, брызжа слюной и пивом. Они ждали смертоубийства и ликовали, заранее предвкушая победу уже в первом иннинге. Захерачь ему, Бойлер. Забей ему в глотку. Выбивай за забор, за забор. Давай, давай! Мы с тобой. Мы с тобой. Бойлер ухмыльнулся Стиву, показав черные кривые зубы, и взмахнул битой, которая в его огромных ручищах казалась тоненькой зубочисткой, мол, подавай, чего ждешь? Стив медленно замахнулся и бросил мяч, Бойлер крутанул битой, как неандерталец – дубиной, в момент удара звук был такой, словно бита сейчас разлетится на сотню кусочков, и мяч стремительно взвился ввысь и полетел по широкой дуге в сторону ограждения на левом фланге. Бутылки с пивом застыли у открытых ртов. Все наблюдали, затаив дыхание, как мяч ушел за линию фолла, и дюжина мальчишек помчалась за ним вдогонку. Бойлер подхватил брошенную биту, ухмыльнулся питчеру и вернулся на домашнюю базу, его лицо сразу сделалось жестким и злым. Бей, Бойлер, лупи. Вломи ему, Стив. Питчер, питчер, ты попал. Сделай его, этого бабуина...

Еще пару секунд Стив и Бойлер

сверлили друг друга угрюмыми взглядами, потом Стив сплюнул, медленно замахнулся, как в прошлый раз, и бросил мяч с такой силой, что тот просвистел в воздухе, сделавшись почти невидимым. Бойлер отбил подачу, и удар получился мощнее, но все-таки припозднился на долю секунды, и мяч ушел не влево, а вправо, к ограждению на правом фланге, зрители завопили, «Свенсоны» дружно впали в неистовство, бита глухо ударилась о землю, игроки на базах сорвались с мест, как ошпаренные, и Гарри, который был на позиции правого полевого, бросился за мячом. Тренеры «Свенсонов» кричали, размахивая руками, бегите, сукины дети, бегите, и игрок на третьей базе уже коснулся отметки, а игрок на второй был по полпути к базе, и тут Гарри подпрыгнул, почти взлетел в воздух, вытянув над головой руку в перчатке, и врезался в сетчатое ограждение на долю секунды раньше мяча, который с глухим ударом воткнулся в перчатку. Гарри отскочил от забора, двумя руками прижимая мяч к животу, грохнулся на бетонированное покрытие, перекатился, поднялся на ноги и бросил мяч первому бейсмену, который легко отыграл свою базу, но не успел передать мяч на вторую, потому что на поле вдруг началась полная неразбериха, все нападавшие разом рванулись к своим прежним базам, и тот, кто пытался вернуться на первую, налетел на Бойлера, а тот в свою очередь чуть не сбил с ног защитника, и игра намертво встала. Гарри наблюдал за всем этим вполглаза, его разум стремительно расшифровывал все, что он видел и слышал, когда врезался в ограждение: вроде бы там была женщина, женщина за сетчатым забором... да, блондинка в коротеньких шортах и майке на тонких бретельках, и если Гарри все верно запомнил, хотя видел ее краем глаза лишь долю секунды, буфера у нее были что надо. Гарри обернулся, и она так и стояла на том же месте. Он пригляделся и заметил прогулочную коляску с ребенком. Гарри подошел к ограждению и встал вполоборота к полю. Суэта улеглась, следующий бьющий уже вошел в дом. Гарри улыбнулся женщине за забором. Привет.

Привет, она улыбнулась, слегка качнув головой, я думала, вы протараните эту сетку.

Гарри приподнял брови и улыбнулся еще лучезарнее. Если бы я знал, что за сеткой стоите вы, я бы точно ее протаранил.

Игра возобновилась, но все были так возбуждены после прошлого розыгрыша, что никто не заметил, что Гарри не занял свою позицию на правом фланге, а по-прежнему топчется у ограждения.

Салли, женщина кивком указала на малышку в коляске, решила, что это было веселое представление. Она так смеялась. Впрочем, Салли легко рассмешить.

Они оба рассмеялись, а Стив тем временем довел счет до 0:2 и на следующей подаче влупил точно по центру, отбивающий взмахнул битой с часовым опозданием, и «Кейси» принялись вопить, и приплясывать, и брызгать друг на друга пивом.

Теперь команды менялись ролями. «Кейси» продолжали драть глотки, и каждый считал своим долгом по-дружески хлопнуть Стива по спине. Блондинка кивнула в сторону поля и спросила, что происходит. Гарри обернулся и заулыбался. Похоже, у них третий аут. Наша очередь отбивать. Она развернулась и вроде как собралась уходить, но Гарри попросил ее остаться. Это только первый иннинг. Впереди еще много отменного софтбола.

Я ничего не понимаю в софтболе, сказала она с мягкой улыбкой.

Прижавшись к забору, Гарри пристально посмотрел на нее и сказал, что научит ее всему, что ей нужно знать. Подождите меня, я вернусь через пару минут. Все равно мы обычно не отбиваемся в начале матча. Она улыбнулась, и Гарри вернулся к своим. Друзья по команде и просто друзья встретили его бодрым ревом, и он получил свою порцию приветственных воплей и хлопков по спине.

Гарри отбивал пятым, и пока ждал своей очереди, то и дело поглядывал краем глаза на женщину за забором. Неплохой экземпляр. Очень даже достойный. Аппетитная грудь, крепкая, ладная задница. И сама далеко не ребенок. Наверное, на пару лет старше Гарри. Может быть, под тридцатник. Ему хотелось, чтобы они поскорее собрали свои три аута, и тогда можно будет вернуться к ней и посмотреть, выгорит что-нибудь или нет. Он совсем не следил за игрой, пока не услышал разочарованный рев и забористую матерщину товарищей по команде; его желание сбылось, «Кейси» мгновенно набрали три аута, и снова пришел их черед защищаться. Гарри поспешил к ограждению на правом фланге.

Привет опять, он улыбнулся, прислонившись к забору.

Вы недолго отсутствовали, она подошла ближе и тоже заулыбалась.

Да, недолго. На самом деле, он пожал плечами, сверкая улыбкой, так и было задумано, чтобы я мог скорее вернуться сюда.

Зачем?

Чтобы снова увидеть вас. После...

Эй, Гарри, ты где? Иди сюда, бога ради.

Да, да, сейчас. Вы, пожалуйста, не уходите. Дождитесь меня. Он занял свое место на внешнем поле, и по пути то и дело оглядывался на блондинку, и непрестанно посматривал в ее сторону по ходу иннинга.

Стив явно прибодрился и в этот раз подавал вдохновенно и мощно, так что «Свенсоны» за считанные минуты собрали три чистых поп-аута. «Кейси» покинули поле в приподнятом настроении, а Гарри вернулся к блондинке.

Может, зайдете сюда, на площадку? Тут есть скамейки, можно присесть.

Ничего не получится. У меня на сегодня еще много дел, и...

Какие дела в такой ясный погожий день? Идите к нам, сказал Гарри, обаятельно улыбнувшись, будете нашим талисманом.

Она звонко рассмеялась. Так меня еще не называли.

Вот видите, вы сейчас...

Эй, Гарри. Ты идешь или как? Ты следующий отбивать.

Да, да, иду. Калитка вот там. Он побежал к домашней базе, но по пути оглянулся и с улыбкой отметил, что блондинка идет ко входу на спортплощадку. Стив пихнул Гарри локтем. А бабу в жопу, ага?

Ну, если ты так настаиваешь...

Слушай, уймись. И настраивайся на игру. Надо порвать этих лосей. Я, между прочим, поставил на матч двадцать пять баксов.

Не волнуйся, Гарри хлопнул Стива по спине, мы их порвем. Сегодня я в форме.

Предыдущего бьющего вывели в аут, и когда Гарри встал на домашней базе, он разглядел макушку блондинки, едва видневшуюся над высокой зеленой изгородью вдоль дорожки на спортплощадку. Гарри чувствовал себя расслабленно и спокойно, он слегка качнул битой и

застыл, глядя на питчера. Этого парня он знал, всегда очень даже неплохо отбивал его подачи и успевал добежать как минимум до первой базы. На первой подаче мяч прошел вне зоны страйка, и Гарри попросту отступил в сторону. Прежде чем вернуться в дом, он огляделся по сторонам и увидел, как предмет его интереса входит на огороженную территорию спортивной площадки. Обе команды орали и гикали, а потом разом умолкли, и следующую подачу Гарри отбил в левую дальнюю часть аутфилда, и добежал до второй базы, и, наверное, смог бы занять и третью, если бы не отличная игра свенсоновского центрального полевого. Гарри стоял на второй базе, слушал вопли товарищей по команде и наблюдал, как блондинка с коляской садится на дальнюю скамейку с правой стороны поля. Следующий бьющий получил аут, но следующий за ним отбил очень даже неплохо, пусть и не так далеко, как хотелось бы, однако Гарри успел миновать третью базу, и рванул к дому, но поскользнулся, обходя кетчера, которому как раз передали мяч, и до крови ободрал лодыжку о бетонированное покрытие. «Кейси» вновь завопили и принялись наперебой хлопать Гарри по спине, а он стоял, стиснув зубы, и тряс саднящей ногой. Затем сел на скамью запасных и стал наблюдать за игрой. Следующий бьющий тоже получил аут, и это был уже третий, а значит, иннинг закончился, и команды снова менялись ролями. «Кейси» вышли на поле, и Гарри вышел вместе со всеми, припадая на правую ногу. Он помахал блондинке, и она улыбнулась, глядя, как он занимает позицию на правом фланге.

В этом иннинге Стив опять накосячил с подачами, и когда «Кейси» понуро отправились на перерыв, Гарри сел рядом с блондинкой. Кстати, меня зовут Гарри, он улыбнулся и придвинулся ближе к ней.

Она улыбнулась в ответ и сказала, что ее зовут Луиза. А это моя дочка Салли, она наклонилась и поправила панамку у девочки на голове.

Гарри показал ей свою ободранную лодыжку и пошутил насчет боевого ранения, и они мило болтали, пока не закончился перерыв, а когда Гарри встал со скамейки, чтобы вернуться на поле, он как бы невзначай положил руку на бедро этой Луизы, на голую кожу на внутренней части бедра, как раз там, где заканчивались ее шорты, и не то чтобы надавил, а просто слегка напряг кончики пальцев, и на миг заглянул ей в глаза перед тем, как уйти.

Гарри сидел с ней во всех перерывах, а после пятого иннинга она объявила, что ей пора уходить. Он тут же изобразил на лице боль и отчаяние. Вам нельзя уходить, вы же наш талисман. Вы хотите, чтобы мы проиграли?

Она улыбнулась и посмотрела ему в глаза, чуть прищурившись. Муж скоро вернется, и мне еще надо успеть кое-что сделать по дому.

Он удержал ее взгляд и уже собирался заговорить, но тут его снова окликнул Стив. Гарри, давай сюда. Тебе на битву. Гарри помахал Стиву, уже иду, и опять положил руку ей на бедро, на этот раз надавив чуть сильнее. Подождите минутку. Он вышел в дом, даже не шелохнулся на трех подачах подряд, набрал три страйка и быстренько выбыл. После чего бросил битву и вернулся к скамейке. Вам действительно надо идти?

Да, уже надо. У нас планы на вечер, а мне еще нужно кое-что сделать.

Гарри пристально посмотрел на нее. Может быть, я провожу вас домой?

А как же ваш матч?

Они прекрасно управятся без меня. Я им не так уж и нужен, на самом деле.

Она улыбнулась, пожав плечами. Ну, если хотите...

Конечно, хочу. Гарри поднялся со скамейки. Вы идите вперед, я догоню вас на улице. Луиза направилась к выходу, толкая коляску, а Гарри подошел к Стиву и сообщил, что ему надо уйти.

В смысле, надо уйти? Ты никуда не пойдешь. Мы еще не доиграли.

Извини, Стив, но мне надо идти. У меня срочное дело. И потом, ты сам видишь, что у меня с ногой. Я еле стою.

Не долби мне мозги. Все нормально с твоей ногой.

Да ладно, Стив, что ты так распалился? Говорю же, мне надо идти.

Да, тебе надо идти. Знаешь что, Гарри? Ты изрядный мудака. Хрен стоячий. Залупа с ушами.

Слушай, Стив, это не...

Ты сам, ептыть, знаешь, сколько денег поставлено на этот матч. Но тебе по хрену, что друзья потеряют бабки. Если тебе вдруг приперло засандалить какой-то телке, все остальное тебя не ебет. Все, иди в жопу.

Мне просто нужно уйти. При чем тут какие-то телки? У меня жутко болит нога, и я...

Я сказал, иди в жопу, Стив с досадой махнул рукой и пошел прочь. Как-нибудь справимся без тебя. Эй, Винни! ВИННИ!

Чего?

Иди сюда.

Гарри захромал к выходу, еще успев краем уха услышать, как Стив велит Винни встать на правом фланге.

А как же Гарри?

Этот сучий кот? Да ну его в жопу. Опять ускакал за какой-то бабенкой.

Гарри услышал и эту реплику тоже, издали, но отчетливо, и, яростно стиснув в руке перчатку, зашагал чуть быстрее и постарался выбросить из головы едкое замечание Стива, сосредоточившись на Луизе и на живой изгороди впереди. Каждый шаг сокращал расстояние до выхода со спортплощадки, и Гарри твердил себе, что сейчас он доберется до этих кустов, и его уже будет не видно с поля, и звуки матча, продолжавшегося без него, превратятся в глухой отдаленный гул, а потом стихнут вовсе, и все останется позади: и Стив, и команда, и вся игра, – с глаз долой.

Огибая живую изгородь, Гарри задел плечом крайний куст, тонкая ветка хлестнула его по лицу, и теперь можно было уже не хромать, и до слуха уже доносились вопли детишек на детской площадке и шум машин на дороге, и он увидел Луизу, неторопливо идущую по дорожке чуть впереди. Он припустил бегом и очень скоро ее догнал.

Ваш друг, кажется, разозлился.

Кто, Стив? Нет, у него просто такая привычка: на всех орать. Но скажу вам по секрету...

Да?

Я бы не отказался от чашечки кофе.

Она одарила его долгим взглядом и улыбнулась. Это можно устроить. У меня дома всегда есть кофе.

Хорошо, он улыбнулся и легонько погладил ее по руке. Где вы живете?

На Седьмой авеню. Здесь недалеко.

Они дошли до угла, и там она остановилась и сказала ему номер дома и номер квартиры. Может, нам лучше пойти по отдельности? Не надо, чтобы нас видели вместе. Я пойду первой, а вы – за мной.

Он кивнул, улыбнувшись в ответ на ее улыбку. Да, конечно. Я все понимаю.

Она пошла прямо, а он свернул налево и обогнул квартал по кругу, чтобы добраться до дома Луизы не раньше чем через пять минут после нее самой. Гарри уже и не помнил, сколько раз он проделывал этот трюк, и с каждым разом ему это нравилось все больше и больше: предвкушение, ожидание, дрожь возбуждения в глубинах нутра, смутное ощущение тревоги и страха, происходящее от фактора неизвестности, что неизменно присутствует абсолютно во всех эскападах подобного рода, ведь не исключен и такой вариант, что она назвала не тот адрес, или все будет не так, как ему представлялось, муж окажется дома, или внезапно вернется домой в самый неподходящий момент, или, может быть, это и вовсе какой-то дурацкий розыгрыш. Вариантов не счесть, и хотя раньше ничего подобного не случалось, ни в чем нельзя быть

уверенным до конца, и эта неопределенность только усиливает возбуждение. Гарри изрядно взбодрился, шагая по Седьмой авеню.

Вечером Гарри собирался в кино с друзьями. После обеда он прилег на кровать и стал дожидаться, когда придет время выбираться из дома. Ему не давала покоя какая-то смутная тревога – непонятная, необъяснимая. Вряд ли он съел за обедом что-то не то: живот не крутило, изжога не мучила. На самом деле, он даже не помнил, что именно ел. И все-таки что-то его беспокоило. Что-то, уж точно не связанное с этой, как ее... Лайзой... нет... Луизой. С ней все прошло так же обыденно и привычно, как сегодняшний домашний обед. Она уложила ребенка спать, и они без промедления отправились в койку. Гарри отказался от кофе, чтобы скорее приступить к делу и слинять до того, как вернется ее благоверный. Она была ничем не хуже любой другой телки. Вполне себе резвая и ненасытная. На самом деле, они кувыркались в постели довольно долго и даже достаточно пылко для банального разового приключения.

Нет, дело не в этом. Там все обошлось даже без хрестоматийно неловких сцен, когда ребенок вдруг очень не вовремя просыпается и бежит к мамочке обниматься. Все прошло как по маслу. И вряд ли его беспокойство связано с сегодняшним матчем. Это не то чтобы большое событие. Просто очередная субботняя игра, хотя, конечно, хотелось бы знать результат. У Гарри даже мелькнула мысль, что надо кому-нибудь позвонить и спросить, но почему-то ему не хотелось напоминать о себе. К тому же он все равно все узнает... Ни к чему суетиться и делать из мухи слона. Это и вправду не так уж и важно. Даже если они проиграли, он в этом не виноват. Он сделал свой хит. Что еще требовать от человека? Он и так хорошо постарался. Между прочим, получше многих. Ему вовсе незачем было торчать на поле и дожидаться конца игры. Ладно, хрен с ним. Откуда бы ни взялась эта тревога, она пройдет и забудется. Иди в кино и не парься.

После сеанса они заглянули в «Кейси» разузнать, что и как. Гарри уже знал, что они победили в сегодняшнем матче, и пребывал в замечательном настроении, потому что второй фильм оказался ужасно смешным. Они присоединились к компании, и Гарри хлопнул Стива по спине. Я слышал, вы разгромили их вдрызг.

Не так уж и вдрызг. С минимальным отрывом.

Какая разница. Главное, вы победили!

Ага. Не с твоей помощью.

Да ладно, Стив, не начинай.

Не будь я лучшим питчером в Бруклине, мы могли и продуть.

Но вы победили, так чего ты психуешь?

Стив улыбнулся Гарри и похлопал его по спине. Я не психую. Я все понимаю, Гарри. Хуй стоит, совесть спит – тут он хохотнул – когда прижало, сойдет все, что движется. Но знаешь, в чем твоя беда? Он убрал руку с плеча Гарри. Нет в тебе верности, вот в чем дело.

Что значит, нет верности?

А то и значит. Мы все друзья. Выросли вместе в одном квартале, и все дела, а тебе как бы насрать.

Слушай, не заводись. Я так же предан друзьям, как и ты. Уж точно не меньше любого из нас – Гарри знал, что так оно и есть. Он много думал на эту тему и был уверен в своих чувствах к друзьям – может быть, даже больше.

Может быть, улыбнулся Стив, только ты что-то никак этого не проявляешь. Может быть, ты жутко умный, и все дела, но ты тот еще сукин сын... Ну чего, так и будешь сучарой или купишь мне выпить?

Гарри улыбнулся, бросил деньги на барную стойку и купил Стиву выпить.

Гарри любил свою работу и делал ее с удовольствием. Корпорация, где он работал, замечательно подходила для его нужд и амбиций; крупная, но не гигантская; достаточно крупная,

чтобы предоставить сотруднику практически неограниченные возможности для продвижения и роста, но не такая огромная, чтобы поглотить его целиком, оставив лишь номер на перфокарте. Благодаря многопрофильной специализации компании, работа у Гарри никогда не бывала скучной; она была интересной, разнообразной и увлекательной, и каждая следующая задача всегда отличалась от предыдущей.

Гарри пришел в «Лэнсет Корпорейшн» сразу по окончании Бруклинского колледжа. Он отслужил в армии, поэтому обучение оплачивало государство. Основной специальностью Гарри выбрал бизнес-администрирование, дополнительной – бухгалтерский учет. Незадолго до выпуска он прошел собеседование в «Лэнсете», и обе стороны поняли почти сразу, что они как нельзя лучше подходят друг другу, и на следующий день после вручения диплома Гарри явился в офис компании и приступил к обучению по программе подготовки новых сотрудников.

Гарри был мил и приветлив, сразу включился в работу, отлично вписался в коллектив и понравился всем сослуживцам. За пару лет он неплохо поднялся по службе и определенно считался одним из самых перспективных сотрудников на младших руководящих должностях. Завершив обучение по корпоративной подготовительной программе, Гарри чуть ли не первым делом записался на вечерние курсы экономики. Он подумал, что это не только поможет ему в работе, но и произведет впечатление на тех, кого требовалось впечатлить, и не ошибся ни в том, ни в другом.

Будущее представлялось безоблачным, путь наверх – беспрепятственным, о чем Гарри Уайт периодически размышлял, так, мимоходом, и не с благодарностью или смирением, а с нарастающим нетерпением. Все-таки денег и повышения, престижа и собственной недвижимости хотелось бы уже сейчас.

Под конец обучения в Бруклинском колледже Гарри категорически не высыпался, и не потому, что упорно учился, а из-за своей личной жизни, чрезвычайно насыщенной и активной. Когда Гарри только пришел на работу в «Лэнсет», он, так сказать, завязал, как завязывал при поступлении в колледж, но по прошествии времени, когда он пообвыкся и закрепился в компании, новизна притупилась, и он потихоньку вернулся к своему прежнему амплу героя-любownika. Эти «сторонние интересы» не создавали проблем на работе, лишь иногда, по понедельникам, Гарри приходил в офис с покрасневшими, чуть мутноватыми глазами. Он всегда держал в ящике стола глазные капли и в разговорах с коллегами время от времени упоминал, этак вскользь, о врожденной болезни глаз, которой, собственно, и объяснялось их периодическое покраснение. Его не особенно волновало, верят ему или нет, но ему нравилась эта выдумка.

Целый год Гарри был паинькой и ограничивал свои амурные похождения рамками выходных, а затем стал замечать, что отвлекается на работе. Не на коллег женского пола, а на какое-то внутреннее беспокойство. Он все чаще и чаще поглядывал на часы, ожидая пяти, и прямо чувствовал, как в теле копится напряжение. Мало-помалу выходные растянулись до понедельника, потом захватили и пятницу тоже, и уже стало понятно, что теперь не получится ограничить вечернюю активность какими-то определенными днями, и Гарри неизбежно пришлось подчиниться собственным внутренним устремлениям.

Постепенно дошло до того, что он стал обедать как можно быстрее, чтобы успеть прогуляться по улицам. Гарри не связывал свою новую привычку с тем внутренним зудом, что время от времени на него нападал, и вообще не считал это привычкой. Ему просто нравилось ходить по городу, особенно при хорошей погоде, и он даже не осознавал, что каждый раз непременно шагает следом за какой-нибудь юбкой, пока не придет время возвращаться в офис.

Вскоре Гарри и вовсе перестал ходить на обеды в корпоративный буфет. Он заранее звонил и заказывал сэндвич на вынос, брал его в перерыве и шел обедать в Центральный парк, на скамейке у озера. Уж всяко приятнее, чем стоять в очереди в переполненном ресторане, а

потом жевать сэндвич среди шума и дыма, поэтому Гарри предпочитал пройти пару кварталов до парка, где утки на озере пускают рябь по отражению небоскребов.

Гарри очень любил первые теплые весенние деньки, когда уже можно не надевать тяжеленное пальто и выйти на улицу в одном свитере или легкой куртке. А эти яркие краски! О да, Гарри любил разноцветье весны. Даже не столько цветы и деревья, хотя ему нравилось на них смотреть – и на птиц тоже, – но он явно был не из тех, кого называют «любителями природы», хотя сам всегда говорил, что предпочитает все натуральное... *au naturel*¹. Весенние краски, которые так любил Гарри, это цвета женских платьев, владелицы которых ходят по улицам, неотягощенные и не сокрытые плотной зимней одеждой, их лодыжки такие изящные, тонкие платья льнут к аппетитным изгибам, глаза горят, лица сияют улыбками, ветерок распускает им волосы и прижимает их платья к мягким, пологим склонам животов или к внутренней стороне бедер, где они сходятся у венериного бугорка. Ах, весна, весна! Чудесная пора, когда все просыпается и оживает, и молодые мужчины так легко поддаются соблазнам.

Сегодня был замечательный весенний день, о каком можно только мечтать. Синее небо, редкие белые облачка, птицы парят над водой и щебечут среди деревьев, симпатичная молодая особа сидит на скамейке на берегу озера. Гарри доел свой обед, выкинул в урну бумагу и прочий мусор, подошел к кромке воды и встал прямо перед скамейкой, где сидела прелестная незнакомка. Он окунул пальцы в воду, затем медленно обернулся и уставился на ее скрещенные ноги, сосредоточившись на том участке, где ноги смыкаются с округлой задницей. Он не скрывал направления своего взгляда, смотрел в открытую, не таясь, и через пару секунд она распрямила скрещенные ноги и, не глядя на Гарри, разгладила юбку, чуть-чуть не доходящую до колен. Гарри продолжал откровенно ее разглядывать, пока она не начала нервно ерзать, и тогда он поднялся и подошел к скамейке, улыбаясь широкой искренней улыбкой и глядя женщине прямо в глаза. Он где-то читал, что величайшим оружием Уайетта Эрпа были его глаза, светло-голубые и такие пронзительные, что его взгляд буквально пробивал людей насквозь, парализуя их волю. Гарри именно так и делал. Просто смотрел на женщин, вкладывая в этот взгляд всю свою похоть. Она старалась смотреть прямо перед собой, но была вынуждена проследить за его приближением. Он сел рядом с ней, и она внутренне подобралась, готовясь к обычной вступительной фразе, вроде – сегодня чудесная погода, или не подскажете, который час, или еще что-нибудь в том же роде, – но Гарри решил разыграть одну из своих лучших крученых подач: Вашему мужу очень повезло.

Она изумленно обернулась к нему, улыбка смягчила ее лицо. Не понимаю.

Ну, как же, он посмотрел ей в глаза, на секунду его вожделение стало почти осязаемым, а затем он улыбнулся и вскинул руку, я имею в виду, у него есть такая жена. Ее взгляд все еще настороженный, но поджатые губы немного расслабились. Лицо Гарри просияло улыбкой. Он знает, что дома его ждете вы, и его сердце поет от счастья.

Она слегка дернула головой: Ага, щас.

Да нет же, я знаю, что так и есть.

Вы, наверное, шутите, она усмехнулась, приподняв брови.

Нет, не шучу. Я серьезно. Я точно знаю, что его жизнь наполнена смыслом, потому что у него есть вы.

Она еще чуть расслабилась и хихикнула, Гарри видел, как напряжение в ее теле идет на убыль, и продолжал улыбаться. Вы просто нечто, она улыбнулась, тряхнув головой, такой шутник.

Не надо так говорить, он театрально прижал руку к груди, вы меня раните в самое сердце. Она вдруг рассмеялась, и, наблюдая, как она смеется, Гарри краешком глаза заметил нескольких голубей, круживших прямо над их скамейкой, и задумался, что она будет делать и как

¹ В натуральном виде, то есть голышом (*фр.*).

будет выглядеть, если голубь насрет ей на голову или на нос... но тут же, почти одновременно, сообразил, что голубь может насрать на него самого, и быстро прогнал эти мысли и стал думать о том, что у женщины явно проблемы с мужем. Он улыбнулся и развел руками. Я о том и говорю. Я услышал ваш смех, и сегодняшний день уже прожит не зря.

Она улыбнулась, покачав головой. Вы просто нечто, и поднялась, взглянув на часы.

Вы же не собираетесь уходить?

Как раз собираюсь. Пора возвращаться к работе.

Очень жаль, он погрузился, изображая отчаяние.

Извините, она тепло улыбнулась, но работа есть работа. С вами весело, даже очень. Но мне надо идти.

Хотя бы позвольте подать вам карету, чтобы вы не ступали по грязным мостовым.

Вы невозможный, она улыбнулась и пошла по тропинке, ведущей к Пятой авеню.

Умоляю, не смейтесь надо мной. А вдруг на вас нападут разбойники?! Она опять рассмеялась, и он склонился в глубоком поклоне. Позвольте мне сопровождать вас, миледи.

Теперь вы еще и обзываетесь, она рассмеялась еще звонче.

Что ж, сказал он с обидой в голосе, если вы не хотите карету, тогда, может быть, рикшу – он с шутливой серьезностью заглянул ей в глаза – велосипед – она покачала головой и хихикнула – скейтборд – они оба заулыбались, и Гарри развел руками – хотите, я понесу вас на закорках?

Спасибо, не надо. Думаю, будет проще и безопаснее, если я перейду через улицу на своих двоих.

Окей, он рассмеялся. Вы всегда сидите у озера в обеденный перерыв?

Ну... она пожала плечами, как когда.

Может быть, встретимся завтра, в это же время, на той же скамейке?

Может быть, она улыбнулась, пожав плечами, если будет хорошая погода.

Обязательно будет, я за это ручаюсь.

Мне надо идти, она улыбнулась и влилась в толпу пешеходов, переходивших дорогу.

Гарри смотрел ей вслед, и перед тем как войти в здание, она обернулась, и он помахал ей рукой, улыбаясь в ответ на ее улыбку, и отправился обратно в офис.

Теперь он шагал гораздо бодрее и чувствовал себя не так напряженно, как еще час назад. Он вернулся в контору с опозданием на десять минут, но не обратил внимания на время, сразу включился в работу и не думал об этой как ее там до конца дня.

На следующий день Гарри прогулялся до парка и увидел, что эта как ее там сидит на вчерашней скамейке. Госсподи, муж, должно быть, вправду ее достал. Пряча улыбку, Гарри подошел к скамейке. Прошу прощения, мадам, окажите любезность усталому пролетарию и позвольте ему разделить с вами эту скамью. Она раздраженно подняла глаза, а потом вдруг расплылась в улыбке и рассмеялась, тряхнув головой. Что я такого смешного сказал?

Она трясла головой, продолжая смеяться. Вы не похожи на пролетария.

Он насутился, изображая обиду, Вы меня раните в самое сердце. В конце концов – она опять захихикала – лучше быть пролетарием, чем нуворишем. Она продолжала хихикать и махать на него руками, и он улыбнулся, и сам рассмеялся, и сел рядом с ней.

Кстати, меня зовут Том. А как зовут вас, девушка-смешинка? Он улыбнулся, глядя ей прямо в глаза.

Девушка-смешинка? Ну, вы и скажете! Меня ни в чем таком не обвиняли уже очень давно, но да, наверное, я смеялась.

Еще как смеялись. Как пролетарий. Не успел Гарри договорить, как она вновь рассмеялась и полезла в сумочку за носовым платком, а Гарри смотрел на нее и тоже смеялся. Наконец она выпрямилась, сделала несколько глубоких вдохов, промокнула платком глаза и вытерла

нос. Потом несколько раз моргнула и повернулась к Гарри. О Боже, я так смеялась, что у меня все болит.

Наверное, у вас мало практики.

Да, наверное, она еще раз промокнула глаза, убрала платок в сумочку и аккуратно улыбнулась Гарри. Больше не надо меня смешить, хорошо? Боюсь, я не выдержу.

Хорошо, он улыбнулся, но вы не сказали, как вас зовут. Наверное, придется угадывать.

Нет, не надо угадывать – Гарри сидел и посмеивался – меня зовут Мэри.

Ну вот, так-то лучше. А то было бы странно называть вас приятелем, или помпончиком, или...

Она опять захихикала и подняла руки ладонями к Гарри. Вы обещали, что больше не будете.

Ладно, он поднял правую руку, больше не буду. Так, значит, вас зовут Мэри, и вы работаете тут напротив.

Она кивнула, Все верно, я секретарша. А вас зовут Том, и вы работаете...

Тоже здесь недалеко. «Армстронг и Дэвис». Маленькая проектная фирма. В основном консультации по узкоспециализированным вопросам.

Как интересно...

Они

продолжали болтать, пока Мэри вдруг не взглянула на часы и не объявила, что уже десять минут, как закончился перерыв, и ей надо бежать на работу.

Ого, так поздно? Мне тоже надо бежать.

Они вышли из парка, и Гарри дождался, пока Мэри не перейдет через дорогу и не скроется в здании, и только потом поспешил к себе в офис. Ему не хотелось, чтобы она увидела, в какую сторону он идет.

Он мчался по улице, понимая, что опаздывает, и действительно опоздал почти на двадцать минут, но никто ничего не сказал, вроде как и не заметил, и Гарри энергично взялся за работу.

На следующий день был четверг, и Гарри решил притормозить до конца недели. Во-первых, ему не хотелось опять опоздать на работу. Во-вторых, хотелось немножко помариновать эту Мэри. Все самое интересное происходило по вечерам, и он получал дополнительное удовольствие от того, что нарочно ее маринует, зная, что она изнывает от неудовлетворенности, и у них с мужем все плохо и вообще, и в постели, и ей отчаянно хочется, чтобы хоть что-нибудь произошло, что угодно, даже если ты просто сидишь на парковой скамейке, в обеденный перерыв, и к тебе проявляют немного внимания. Госсподи, чем больше Гарри об этом думал, тем сильнее заводился.

Надо было как-то убить время до конца перерыва, и Гарри решил прогуляться до парка и убедиться, что она там. По пути к парку он улыбался и сиял изнутри, но потом в душу закралось смутное опасение, и он немного ускорил шаг, вдруг встревожившись, точно ли она там. Он собирался быть предельно осторожным, потому что она не должна его видеть, но когда у него промелькнула мысль, что она, может быть, и не пришла, все его хитрые планы разом забылись, и вместо того, чтобы пройти по Пятой авеню и заглянуть в парк через изгородь, Гарри пошел по тропинке, но толпы гуляющих загораживали скамейку, и когда до нее оставалась буквально пара шагов, толпа вдруг поредела, но эта Мэри смотрела куда-то вдаль за озером, и он сумел вовремя взять себя в руки, развернуться и незаметно уйти.

Отойдя подальше от парка, Гарри на секунду остановился и почувствовал, как колотится его сердце, и пульс отдается в ушах. Он уставился на витрину ближайшего магазина, сделал глубокий, медленный вдох, посмотрел на свое отражение и усмехнулся при мысли, что эта как ее там сидит на скамейке у озера и ждет его. До конца обеденного перерыва еще оставалось

какое-то время, и можно было неспешно прогуляться по Пятой авеню, разглядывая витрины и женщин и наслаждаясь своим чувством власти.

2

Гарри сидел за столом, мама расставляла тарелки и чашки, папа резал ростбиф и раскладывал куски по тарелкам. Сегодня родители Гарри были особенно счастливы и довольны. Они собирались на празднование золотой свадьбы давних знакомых родителей Гарриной мамы, которых она знала всю жизнь. Намечалось грандиозное торжество, где будут родственники и друзья, с большинством из которых они видятся лишь по особым поводам вроде сегодняшнего. И больше всего родителей Гарри обрадовало, что сын будет с ними. Гарри – хороший мальчик, и всегда был хорошим, их единственный ребенок, свет их очей, центр и средоточие их надежд и мечтаний; теперь уже взрослый мужчина, он все меньше и меньше времени проводил дома, у него своя жизнь, ему есть чем заняться, особенно по выходным, но сегодня их сын, их радость и гордость, отложил все дела и идет с ними. Это будет по-настоящему семейный вечер. Семейное торжество, куда они идут всей семьей.

Закончив есть, Гарри похлопал себя по животу и сказал маме, что все было очень вкусно. Он улыбнулся. Ты лучший повар на свете, мам.

Спасибо, сынок. Я рада, что тебе понравилось, сияя улыбкой, она принялась убирать со стола. Кофе?

Да, с удовольствием.

Они сидели, курили и пили кофе, по радио тихонько, почти неслышно играла музыка, и они наслаждались приятной беседой и обществом друг друга. Три человека за обеденным столом, мужчина и женщина; муж и жена; отец и мать – и их единственный сын, молодой человек, привносящий радость в их жизнь. Атмосфера была безмятежной, расслабленной, тонкие струйки табачного дыма тянулись к потолку почти вертикально и резко дергались только тогда, когда чей-то смех сотрясал воздух. За этим столом восседала сама любовь.

Когда они прибыли на торжество, миссис Уайт взяла Гарри под руку и ходила с ним от одной группы знакомых к другой, с гордостью представляя им своего сына, и рассказывала всем и каждому, чего он добился, и что его ждет блестящее будущее, и какой у нее замечательный сын, гордость и радость родителей. Гарри с воодушевлением улыбался, когда мамини старые друзья пожимали ему руку и говорили с улыбкой, да, Сара, тебе повезло. Повезло с таким замечательным сыном, но есть в кого, есть в кого. Он так похож на отца. Точная копия. Но глаза у него твои, Сара. Да, так и есть. Сразу видно, что это твой сын. Видно за милую в полной темноте. Сара Уайт вся сияла, и ее улыбку действительно было видно за милую в полной темноте.

Гарри послушно ходил следом за мамой, но и сам был доволен и упивался той радостью, что создавало его присутствие в этом зале. Он делал маму счастливой и поэтому тоже был счастлив; ему нравилось делать маму счастливой, и он временами старался доставить ей радость – по крайней мере, хотел постараться, – но почему-то никак не мог это осуществить, во всяком случае на постоянной основе. По какой-то непонятной причине ему всегда что-то мешало вызвать улыбку на мамином лице, и даже если она улыбалась, он потом обязательно делал что-то такое, от чего ее улыбка становилась печальной.

Но сегодня он сделает все, чтобы этого не произошло. Он себя чувствовал замечательно, легко и свободно, и решил потакать маме во всем. Пусть это будет ее вечер. Он прилежно улыбался, когда надо было улыбаться, и отвечал на обычные в таких случаях вопросы легким поклоном, улыбкой, тихим смешком и: Конечно, я помню. А как же! Мистер и миссис Лоури – или Литтл, или Харкнесс, или как их там звали. Разницы все равно никакой, все истории очень похожи – как он выглядел и что делал, когда ему было два года, или три, или четыре, или еще сколько-то в том чудесном, прелестном возрасте, в котором они его помнят. И когда Гарри и

миссис Уайт покидали очередных собеседников и шли дальше, Гарри знал, что они улыбаются ему вслед и говорят, что он славный парень.

Гарри так хорошо зафиксировал свою улыбку, что даже когда его мама закончила с представлениями, он продолжал улыбаться всем знакомым и незнакомым, собравшимся в зале. Он заметил бабушку, и его улыбка сделалась еще шире. Он подошел к ней, обнял, поцеловал и не сразу разомкнул объятия. Как поживаешь, бабуль?

Поживаю прекрасно. Старую клячу ничто не берет, ее глаза так и сияли.

Ты у меня молодец, он поцеловал ее в лоб.

Как сам, сынок? Все хорошо?

Все замечательно. Лучше некуда.

Рада слышать...

ТАК! МИНУТКУ ВНИМАНИЯ!!!!

Старший сын

золотых юбиляров замахал руками над головой, прошу тишины... я хочу сказать тост. Мама, папа, идите сюда. Они подошли, сияющие и нарядные, довольные и взволнованные, как детишки в свое первое рождественское утро, когда они стоят, замерев в восхищении, и смотрят на елку, на шары, мишуру и сверкающие гирлянды, на подарки и на чулки на камине, и ощущают чистейший восторг Рождества. Сын встал у них за спиной и обнял обоих. У всех есть что выпить? Если нет, то берите бокалы. Остальные дети юбиляров обошли зал с подносами «Манхэттена», потом встали рядом с родителями. Мистер и миссис Уайт присоединились к Гарри и бабушке. Так, теперь у всех есть что выпить???? Хорошо. Он поднял свой бокал, и все последовали его примеру. Я хочу выпить за маму и папу, за пятьдесят замечательных лет их совместной жизни. За то, что вы любили друг друга, любили нас, сделали этот мир чуточку лучше и слегка увеличили численность населения – смех среди слушателей – мы все желаем вам счастья и радости... все ваши пятеро детей... двенадцать внуков... двадцать правнуков... все зятя и невестки. ДА! ЗА ВАС! СЧАСТЬЯ ВАМ! ДАААА! ПЬЕМ ЗА ВАС!!!! Гости с воодушевлением приняли тост, и каждый выпил за юбиляров, кто-то – глоточек, кто-то – до дна, и возгласы не умолкали еще очень долго, пока все члены семейства подходили поцеловать и поздравить сияющую золотую чету, и зал отзывался на каждый поцелуй новым всплеском приветственных криков. Когда завершился этот бесконечный парад, заиграл Юбилейный вальс, и виновники торжества закружились по танцполу, медленно, но радостно, глядя друг другу в глаза, светящиеся нескончаемым счастьем, и все наблюдавшие за этим танцем потянулись друг к другу и взялись за руки, мужа и жены, родители и дети, они стояли, обнявшись, и смотрели со слезами на глазах.

Одной рукой Гарри обнимал бабушку, другой держал маму за руку. Когда песня закончилась, все зааплодировали, и юбиляры склонились в легком поклоне, как стеснительные детишки, и вскоре затерялись в толпе гостей, обступивших их со всех сторон. Знаешь, Гарри, в глазах у бабушки до сих пор стояли слезы, лицо лучилось нежностью от теплых воспоминаний, если бы твой дедушка был еще жив, упокой, Господи, его душу, в октябре мы бы с ним справили наш золотой юбилей.

Гарри улыбнулся, отобрал у нее недопитый бокал и поставил на столик рядом со своим бокалом. Пойдем потанцуем, бабуль. Они присоединились к танцующим парам. Мистер и миссис Уайт наблюдали за ними, сияя от гордости; а затем сами пошли танцевать.

Казалось, что каждый раз, когда Гарри отставлял в сторону пустой бокал, кто-то вручал ему новый, полный, и он себя чувствовал все раскрепощеннее и раскрепощеннее. И бабушка тоже. Выпитая половина «Манхэттена» мгновенно ударила ей в голову, и она выдала зажигательный танец, на пару с одним старым другом, лихо отплясывая и дрыгая ногами в некоей сбивчивой вариации бруклинского канкана. Зрители, включая Гарри и его родителей, хлопали

Музыка резко умолкла, и Гарри понял, что у него встало. Он ничуть не смутился, но это не та вечеринка, когда можно затащить телку в кладовку или в подвал и по-быстрому трахнуть, к тому же он и не любит по-быстрому, это занятие для прыщавых подростков, однако спиртное ударило в голову, и возбужденный член настоятельно требовал к себе внимания, и в голове промелькнула картина: задний двор, большое тенистое дерево. Он извинился и высвободил руку из ее ладоней. Я на минуточку, сейчас вернусь. Он заперся ванной, умылся холодной водой. Может, стоит засесть в холодную ванну, ха-ха. Он вытер лицо, посмотрел в зеркало, глянул на свою промежность и снова уставился в зеркало. Вроде бы все под контролем. Госсподи, уж я бы ей засадил.

Он вернулся в комнату, пару секунд постоял у двери, ища взглядом Джину. Вот она, в дальнем углу, с кем-то беседует. Она стояла к нему в профиль, и свет как будто мерцал на ее округлой заднице. Он шагнул было к ней – хуй стоит, совесть спит, – но развернулся, подошел к бабушке и сел рядом с ней.

Как настроение, бабуль?

Настроение бодрое, внучек. Я замечательно провожу время. Приятно встретить старых друзей и посмотреть, как веселится молодежь.

Молодежь это ты? Он улыбнулся, краем глаза поглядывая на Джину и размышляя, не попросить ли у нее номер телефона на будущее. Хотя сначала хотелось бы разобраться, кем Джина приходится хозяевам дома, и кто может узнать, если Гарри все-таки заберется к ней в трусы, и чем это чревато. Возможно, его папа с мамой умрут от стыда, и...

Пойдем потанцуем, Мэй, это мой танец. Давний бабушкин друг с поклоном протянул ей руку.

Хорошо, Отто, если ты так настаиваешь. Но сначала меня надо как-то поднять с этого стула. Отто тянул, Гарри толкал, и все дружно смеялись.

Гарри наблюдал за их танцем, не забывая иной раз посматривать в сторону Джини. Он улыбался и сиял изнутри, глядя на бабушку с Отто, их движения были немного скованы возрастом, но в них сквозило величественное благородство, когда они танцевали друг с другом и со своими воспоминаниями.

Он смотрел на них и улыбался, но взгляд упорно и неотвратимо тянуло к Джине, пока танцующие не превратились в смазанное пятно где-то на периферии зрения, и весь его разум как бы озарился бликами света, что отражались от Джининой задницы и груди, когда она – Госсподи, она не только чья-нибудь дочь, а наверняка еще и чья-нибудь мать. Нет, так не пойдет. Плохие новости, парень. Оставим всю эту хрень на потом. Представь, что будет с родителями. Это их точно убьет. Даже не думай! Забудь!

Гарри принялся напевать про себя слова баллады, лившейся из динамиков, и сосредоточился на танцующих и на людях, стоявших рядом. Когда бабушка, смеясь и отдуваясь, села на место, Гарри поцеловал ее руку и так и не выпустил ее из ладони, держа нежно, но крепко. Ты была великолепна, бабуль. Ты знаешь, как получить радость от жизни. Они рассмеялись. Гарри любил свою бабушку, и его вдруг накрыла волна понимания, что когда-нибудь, может, уже совсем скоро, она умрет. Он снова поцеловал ее руку.

Миссис Уайт предложила поехать домой – Мамы устали, и уже поздно, да, мам? Да, милая, я и вправду устала. Видать, я уже старовата для таких бодрых гулянок, старой калоше пора в калошницу, бабушка рассмеялась, очень довольная собственной шуткой, – и попросила Гарри сесть за руль. Сначала отвезем бабушку, да? Все Гаррины мысли были заняты Джининой, за которой он наблюдал краем глаза, чувствуя на кончиках пальцев пот из ложбинки между ее ягодиц. Э? Что? Он встрепенулся, замялся, растерянно заморгал, пытаясь сосредоточиться на словах мамы, когда она повторила вопрос. О... Да, конечно. Конечно, мы отвезем бабушку.

Ложась спать в тот вечер, Гарри не стал опускать жалюзи на одном из окон, чтобы видеть с кровати кусочек неба над уголком здания напротив. Он лежал на спине, вспоминая. Перед

мысленным взором вполне комфортабельно плыли сцены и образы, и не было необходимости напрягаться, чтобы не думать о Джине. Он ощущал сопричастность к семье и к потоку тепла, что струился внутри, словно ему что-то впрыснули в кровь, он вспоминал, как были счастливы его родные: как родители танцевали, глядя друг другу в глаза, как смеялась и плакала бабушка, наблюдая за вальсом своих старых друзей в годовщину их золотой свадьбы – да, бабуля у него что надо, – но образ, к которому он возвращался чаще всего и ласкал его в памяти, было тем самым мгновением, когда мама поцеловала его перед сном, и счастье не только сияло в ее глазах, но и как будто искрилось на кончиках пальцев. Спасибо, что ты пошел с нами, милый. Без тебя этот вечер был бы не таким радостным. А как была счастлива бабушка – Да, сынок, папа похлопал Гарри по спине и на миг задержал руку у него на плече, было здорово провести вечер вместе. Это был настоящий праздник. Да, настоящий, он улыбнулся родителям, стиснул руку отца, поцеловал маму в щеку, мне очень понравилось...

Гарри получал искреннее удовольствие

от этих воспоминаний, зная, что он сегодня доставил радость родителям, и вот уже образы у него в голове начали расплываться, накладываясь друг на друга, и он закрыл жалюзи, вернулся в постель и спокойно уснул.

На следующий день, в воскресенье, Гарри заглянул в «Кейси», пришел сразу вслед за своими друзьями-ирландцами, которые после полуденной мессы сразу рванули в бар, открывавшийся в час. Он посидел с ними недолго, затем пошел в кино с парой приятелей. После сеанса они все вместе отправились в «Фин-Холл», небольшой танцевальный зал по соседству.

Они еще не успели нагреть под собой стулья, а Гарри уже танцевал с какой-то молоденькой дамочкой, пришедшей сюда со своей младшей сестрой, просто чтобы провести время, пока ее муж укатил на рыбалку. После нескольких танцев Гарри вернулся к столу, сообщил друзьям, что увидится с ними завтра, и ушел под руку с Ирмой.

Госсподи Боже, ты видел? Я еще не решил, с кем хочу танцевать, а он уже подцепил телку, приятели лишь качали головами, глядя вслед Гарри с восхищением и изумлением.

В этом смысле он просто невероятный. Если во всей округе будет всего одна дырка, которой можно заправить, Гарри ее учует.

Ага, даже если она сама еще не в курсе. Они рассмеялись, с завистью наблюдая, как Гарри шагает к выходу, придерживая Ирму за поясницу.

По подсчетам Ирмы, времени у них было в избытке. Обычно муж возвращался с рыбалки часов в пять-шесть утра, но никогда раньше двух, а в два он вернулся всего однажды. Гарри, все еще заряженный энергией радости, швырнул одежду на стул, в прямом смысле нырнул в постель с глухим стуком и бодрым визгом – и рванулся к Ирме, стоявшей рядом с кроватью, еще в трусах, и пытавшейся расстегнуть лифчик. Он обхватил ее за талию, поцеловал в поясницу и горячо дунул в ложбинку между ее круглыми ягодицами. Ирма вскрикнула, вздохнула, застонала и шумно втянула в себя воздух – все это одновременно, – пошатнулась, и Гарри рывком повалил ее на постель. Она обняла его, и он стал целовать ее шею и грудь, запустил пальцы под резинку ее трусов и пробрался сквозь мягкие заросли к земле обетованной. Ирма стонала, судорожно хватаясь за волосы Гарри, за его руки, и плечи, и спину, за подушку и простынь, за все, до чего могла дотянуться, хлупала и вся извивалась от такого внезапного внимания.

Гарри вдруг вспомнил эту как ее там, кто сидит на скамеечке в парке и ждет его – да, точно, Мэри, – и захихикал, спрятав лицо между Ирминых сисек. Ирма легонько дернула Гарри за волосы. Большое спасибо. Знаешь, мне нужно как следует посмеяться. Он посмотрел на нее и рассмеялся по-настоящему, и у него на лице было столько радости, что Ирма тоже расхохоталась, в жизни не слышала ничего смешнее, она сотрясалась от смеха, катаясь головой по подушке, по-прежнему не выпуская из цепкой руки длинные волосы Гарри, а он запустил руку в ее короткие волосы. Да, наверное, я тоже, он покачал головой, из глаз брызнули слезы,

и они с Ирмой еще долго смеялись, вцепившись друг другу в волосы, а затем Гарри перестал трясти головой, сделал глубокий вдох и приник ртом к голой сиське. Это остановило не только его собственный смех, но и Ирмин смех тоже, причем весьма эффективно.

Гарри периодически думал о Мэри, и эти мысли – о ее отношениях с мужем, о явной холодности, существующей между ними, и о том, что она ждет его на скамеечке в парке, и он это знает – почему-то ужасно его возбуждали и помогли сохранить возбуждение надолго. Когда он наконец собрался уходить, ближе к трем часам ночи, Ирма была совершенно без сил. Она лежала на развороченной постели, наблюдала, как одевается Гарри, и бормотала, Боже, ты знаешь, что делать с женщиной. Тебе надо бы пообщаться с моим благоверным, дать ему пару подсказок.

Да я с удовольствием, он рассмеялся, оправляя одежду. Может быть, загляну к вам на неделе. Можем сыграть в «Монополию». Ирма слабо рассмеялась и легонько погладила себя по животу. Гарри помахал ей на прощание, и в ответ она чуть шевельнула рукой.

Выйдя из подъезда, Гарри пару секунд постоял на тротуаре, вдыхая свежий прохладный воздух. После двух дней, проведенных в рыбацкой лодке, запах в спальне покажется мужу вполне естественным. Рассмеявшись в голос, Гарри пошел прочь. Его шаги были бодр и легки. В ночном воздухе веяла свежесть, в небе мерцали редкие звезды. Ночь прекрасна, и мир прекрасен. Может быть, это были лучшие выходные во всей его жизни... в жизни кого бы то ни было. Он пребывал в полной гармонии с собой, сам себе друг, товарищ и Господь Бог.

В понедельник утренняя толкотня в метро помогла Гарри разлепить глаза, потихонечку, по чуть-чуть, пока он практически висел на поручне и сонно разглядывал таблички на стенах, рекламные объявления, лица, затылки, газеты, журналы и свое смутное отражение в оконном стекле. Выкарабкавшись на свежий воздух из душной мешанины потных тел и грохочущих механизмов, он постарался как можно быстрее добраться до кафетерия в том же здании, где был его офис, и взял большой стакан кофе с двойной порцией сахара и слойку с сыром.

На самом деле день прошел вовсе неплохо. Гарри занялся работой, которой было достаточно, чтобы не отвлекаться на посторонние мысли, но не так много, чтобы зарыться по самые уши; сам он был молод, здоров и легко приходил в норму после бурной бессонной ночи. В обеденный перерыв он вспомнил об этой как ее там и даже почти собрался сходить проверить, ждет ли она его в парке, на скамейке у озера, но у него не было настроения куда-то тащиться. Он даже не стал спускаться в буфет, заказал обед на вынос и поел в комнате отдыха, развалившись в кресле и давая отдых глазам, воспаленным и красным, как пожарная машина.

Вторая половина рабочего дня прошла быстро, Гарри приехал домой и провел тихий вечер с родителями, что их очень обрадовало, после ужина он чуть-чуть посмотрел телевизор и пошел спать пораньше. Сегодняшний день был не слишком богат на события, но завтра мы оторвемся по полной программе.

О да, хороший день завтра, сегодня, во вторник. Весьма познавательная поездка в метро на работу, за беглым чтением «Дейли ньюс» – спортивные новости и четвертая страница, – а тут еще и «Еврейская ежедневная газета», «Энквайрер», «Ла Пренса», «Таймс», «Ньюсуик», «Нью-Йоркер», «Мэд магазин», Гарольд Роббинс, Альбер Камю (Камю в восемь утра, в переполненном вагоне метро?!), «Леди Клейрол» (леди она или нет, знает только ее гинеколог), ударопрочный кейс (гм, это уже интересно), огромная темно-коричневая родинка, из которой торчат и шевелятся наподобие усиков не меньше пяти жестких черных волосков, а также чихание и кашель в ассортименте. Гарри выбрался из ямы в земле истинным космополитом, уцелевшим в тоннелях тьмы. Он пару секунд постоял на углу, среди гула автомобильных гудков, в толпе спешащих прохожих, дыша ровно и глубоко, и зашагал на работу – сражаться с гигантами индустрии.

Вполне энергичное утро, решение нескольких не особенно заковыристых проблем, затем – звонок на обед, сиречь урчание пустого желудка. Обед. Кстати, а что с этой как ее там?

Привет, как дела? Он улыбнулся с легким поклоном.

Привет, незнакомец, она слегка приподняла брови, какой сюрприз.

Можно присесть?

У нас свободная страна, и это общественная скамейка.

Гарри сел рядом с ней, пристроив на коленях пакет с сэндвичем и мысленно посмеиваясь над ее очевидными проявлениями враждебности и над причинами этой враждебности. Как хорошо наконец-то вернуться домой. Мэри покосилась на него с подозрением. После такой напряженной работы.

Тебя не было в городе? В ее голосе явно звучала надежда.

А почему, как ты думаешь, я пропустил наши обеденные свидания? Сказал он, улыбаясь ей в лицо. Ты же не думала, что я забыл? Она чуть ли не виновато пожала плечами. Мне неожиданно позвонили в тот день, и пришлось срочно лететь в Чикаго.

Правда? Она улыбнулась, смягчившись. И ты только сегодня вернулся?

Вчера поздно вечером. Я позвонил бы тебе на работу, но я не знаю, как называется твоя контора.

Это не важно. Я все равно тут сижу чуть ли не каждый день, она опять улыбнулась, и ее напряженные плечи заметно расслабились.

Хорошо, он нежно погладил ее по коленке, улыбнулся и откусил сэндвич.

Ветерок был приятным и теплым, отражения в озере – безмятежными, птицы вполне дружелюбно летали над головой, мимо промчалась белка, на секунду застыла на месте и сморщила нос. Прелестный денек и прелестное время для милой болтовни, смеха и радости, совершенно очаровательные полтора часа. Гарри выкинул в урну их бумажные пакеты, и они вместе с этой как ее там пошли по дорожке, и рука Гарри легонько касалась ее плеча. Он постоял на углу, пока она не вошла в здание, и помчался по Пятой авеню к себе в офис.

Сорок минут опоздания. Кажется, кое-кто из сослуживцев неодобрительно поднял бровь. Кажется, Гарри привлек к себе чуть больше внимания, чем обычно, когда спешил к своему столу. Не хмурится ли начальство за закрытой дверью? Если да, не беда. Долго хмуриться оно не будет. Никто его не убьет за опоздание на пару минут. Он без проблем выполнит свою работу, и такого больше не повторится. Так что расслабься и не хмурь брови. Все хорошо. У меня все под контролем. И вообще, жизнь прекрасна. Жизнь это миска, полная ягод.

На следующий день обед в парке получился еще прекрасней. На этот раз ему не пришлось преодолевать ее враждебный настрой, они оба были расслаблены и довольны. Гарри собирался вернуться в контору еще до конца перерыва и демонстративно посматривал на часы, и говорил Мэри, что ему обязательно нужно быть в офисе не позже двух, а лучше раньше, потому что он ждет очень важный звонок из Чикаго, насчет той срочной работы, когда мне пришлось лететь к ним.

А что там такого важного и срочного? Ты никогда не рассказывал, чем занимаешься.

Ну, мы сейчас разрабатываем систему для координации действующих национальных и международных коммуникационных систем, чтобы объединить их в единую сеть для распределения телеметрических данных и сопредельных фиксированных реестров...

Ладно, ладно, она рассмеялась и замахала руками, не надо. Он тоже рассмеялся и больше уже не пытался рассказывать о работе, но продолжал поглядывать на часы.

Это был не спектакль, а суровая необходимость. Гарри так нравилась эта игра, что он мог заиграться и совершенно забыть о времени, как это случилось вчера, а ему не хотелось снова опаздывать на работу. Игры с Мэри вновь разожгли тот росток возбуждения в самых глубинах его нутра, тот восторг, что питается предвкушением и ожиданием, но ему не хотелось рисковать работой ради игры, какой бы захватывающей и приятной она ни была.

Гарри Уайт вернулся в контору почти за пять минут до конца обеденного перерыва и самодовольно уселся за стол, мысленно рисуя одобрительные улыбки на вчерашних хмурых лицах.

Игра с этой как ее там, разумеется, предполагала, что ее надо немножко помариновать. И чем дольше она маринуется, тем сильнее его возбуждение, тем плотнее свивается в кольца этот росток, пробивающийся изнутри, и заполняет его всего, и тянется к самым кончикам пальцев.

И, конечно, чем дольше она будет мариноваться, тем сильнее распалится. Ему хотелось, чтобы она нервничала и мямлила в нерешительности – что уже началось, – неуклюже пытаясь придумать, как ему сказать, что она хочет снова увидеться с ним, и не только в обеденный перерыв; пытаясь выведать, где он живет (она спросила сегодня, долго ли ему ехать в метро до работы, и он ответил, что ездит в автобусе, минут двадцать) и что делает в свободное время, куда ходит и с кем...

Гарри с легкостью отбивал

все удары-вопросы, хотя и признался, что он не женат, чему она явно обрадовалась, и он знал, что именно так и будет. Каждым своим ответом Гарри только подстегивал ее любопытство, так что их обеды на свежем воздухе у озера или короткие прогулки по берегу были для него настоящей забавой. Приятной игрой, волнующим отдыхом. И было вполне очевидно, что Мэри тоже радуется этим встречам. Возможно, даже сильнее, чем Гарри, но, разумеется, по другому и по иным причинам.

Одна из причин – и достаточно важная, – по которой Гарри нарочно затягивал эту игру, чего, кстати, ни разу не делал раньше, заключалась в том, что ему нравилось ее общество, по крайней мере, в те короткие отрезки времени, которые они проводили вместе. Не больше нескольких часов в неделю, потому что Гарри установил себе правила: встречаться с ней не больше чем два дня подряд и не чаще трех дней в неделю. Через пару недель игра вышла на новый уровень, поскольку теперь, в дополнении к прочим целям, Гарри хотел посмотреть, как долго он сможет продолжать игру... или, наверное, правильней будет сказать, как долго ему будет хотеться ее продолжать. Ладно, время покажет. Время, счастливое время, покажет, когда Гарри позволит этой как ее там его соблазнить. О да, скажу вам, так приятно наблюдать, как весна мчится навстречу лету в Центральном парке, как листва на кустах и деревьях с каждым днем становится все гуще, как глаза Мэри все ярче горят нетерпением. О да, Гарри знал, так и есть: весь Нью-Йорк превратился в большой праздник лета.

У озера в Центральном парке тоже был маленький праздник. Мэри все больше и больше рассказывала о муже и о своем недовольстве семейной жизнью, ставшей для нее полным разочарованием. Гарри благоразумно воздерживался от нападок на ее мужа, потому что иначе она бы стала его защищать и вспоминать, что в нем есть хорошего, но он перестал защищать его сам и находить оправдания и/или объяснения его поступкам и равнодушному отношению к жене, которой так не хватает внимания и заботы. Он просто слушал, с заинтересованным лицом, как Мэри ругает мужа, называя его скотиной, хвастливым ничтожеством и сукиным сыном. Он меня вовсе не слушает, никогда... как слушаешь ты – Гарри изобразил на лице понимание и сочувствие, – он просто включает телевизор или вовсе выходит из комнаты, и если я иду следом и пытаюсь добиться, чтобы он меня все-таки выслушал, чтобы он понял, что я тоже живой человек со своими чувствами и потребностями, он называет меня тупой бабой и идет в бар с друзьями. Ох, она раздраженно потрянула головой, временами мне кажется, что будь у меня пистолет, я бы его пристрелила на месте.

Лучше не надо, Гарри ласково прикоснулся к ее руке, тебя отправят в тюрьму, и я лишусь твоего общества. И я, и весь мир вместе со мной. Мэри улыбнулась ему, но сразу нахмурилась, когда он сказал, что ему жаль ее мужа.

Тебе его жаль?! Это он вечно где-то шатается со своими друзьями, приходит, когда ему вздумается, и уходит, когда ему вздумается, не глядя, сжирает ужин, который я так старалась ему приготовить, потом рыгает мне прямо в лицо и уходит. Да, именно так. Ни «пожалуйста», ни «спасибо», вообще ничего. Он идет веселиться, а я, значит, должна мыть посуду и целый вечер сидеть одна. Все, мне надоело корячиться у плиты. Пусть жрет готовые блюда из кулинарии.

Ты не поняла, он улыбнулся, погладив ее по руке, я имею в виду, что мне жаль, что он лишает себя удовольствия слушать тебя и наблюдать, как свет пляшет в твоих глазах, когда тебе радостно. Жаль, что он не понимает, как с тобой интересно.

Правда? Со мной интересно?

Конечно, он тихонько рассмеялся, глядя ей прямо в глаза, зачем бы я стал говорить неправду?

Игра продолжалась, Гарри видел, как нарастает ее возбуждение, и его возбуждение тоже росло. Временами Гарри казалось, что его ноздри раздуваются, почуяв запах течной суки, и все это вместе: игра, в которую он играл, сложная борьба Мэри с собой, ее возмущение на пренебрежительное отношение к ней мужа, – явно указывало на то, что игра скоро закончится. По крайней мере, ее текущий этап.

А потом, в радостном месяце мае, хотя уже был не май, а июнь, Гарри наконец поддался на уловки Мэри. Они сидели на скамейке, о чем-то болтали, Гарри как раз доел сэндвич и смял бумажный пакет, и Мэри вдруг протянула руку и принялась стряхивать крошки с его колен, уделяя самое пристальное внимание особо упрямой крошке на верхней, внутренней стороне его бедра. Гарри мысленно возликовал и чуть приподнял ногу навстречу ее ладони, затем накрыл ее руку своей и пристально посмотрел ей в глаза, слегка прищурившись и раздув ноздри. Он почувствовал, как дернулась ее рука, когда он, как бы забывшись, облизнул губы самым кончиком языка.

Дальше так продолжаться не может, Мэри, он медленно высвободил руку, но тут же поднял другую руку и принялся гладить ее по затылку. Она на секунду закрыла глаза, отдаваясь его недвусмысленным ласкам, потом приоткрыла их и посмотрела на Гарри (Госсподи, да ей прямо не терпится в койку).

Что же нам делать?

Гарри просто смотрел ей в глаза, наслаждаясь игрой и надеясь, что ему удастся удержаться от смеха.

Когда? Она гладила его по руке, а Гарри посмеивался про себя, радуясь этой маленькой победе. Он все же заставил ее спросить первой. Он чуть сильнее надавил ей на затылок, и она закатила глаза, вздрогнув от удовольствия.

Завтра вечером, после работы.

Она кивнула, продолжая легонько раскачиваться под его прикосновениями. Я скажу мужу, что пойду в кафе с девочками с работы.

Гарри кивнул, мысленно отплясывая чечетку, с улыбкой вместо зонта, и попытался представить, как она отреагирует, когда завтра он ей сообщит, что планы резко переменились.

Ах, завтра... новый день, новая блядь... ха-ха-ха, почему нет? Я расскажу вам о завтрашнем дне. Что о нем говорят, все неправда. Завтра всегда наступает. Всегда. День кончается, и настает новый, и я тоже кончаю. Ха-ха. А Мэри? Ей что-то обломится? Собственно, почему нет? Она тоже кончит... на чем-то конце... ха-ха-ха. Еще разок, милая? Приходи ко мне, Луиза, будем кушать пудинг с рисом. Угощайся. Ни в чем себе не отказывай. Да, завтра будет новый день... сунул, вынул, убежал. По дорожке, по тропинке, где симпатичные девушки встали в ряд. Нет, малышка не будет капризничать. Ха-ха-ха. Завтра буу-уууу-дет но-ооо-вый день...

Что я ей принесу? Дары радости или боли? Да, радости или боли? Как я отвечу? Взмахом руки? Пожатием плеч? Кивком головы? Или этим чудовищем из чудовищ, встречным вопросом? Ладно, как вам угодно. Вот мой вопрос. Как колотится ее сердце? Как сбивается ее дыхание? Разве вы сами не слышите, как гремит пульс в ее венах? Как трепещет сочный венерин холмик меж мягких бедер? Наверняка и колотится, и гремит, и трепещет, и вся ее нежная плоть зудит предвкушением. Я расскажу вам, что принесу истомившейся в ожидании девице – радость боли и боль радости...

Да, все верно, чертовски

верно. По самое не могу, это голодное, влажное не могу.

На следующий день Гарри вышел пораньше и встретил Мэри на углу. Том, что ты тут делаешь? Я...

Мэри, нам надо поговорить, он схватил ее за руку и потащил за собой по улице.

Ее взгляд был растерянным и удивленным. Что-то случилось? Ты какой-то серьезный... и расстроенный. (О, замечательно, доктор Уайт. Удержи на лице это самое выражение еще пару минут, и мы опять на коне.)

Час назад мне позвонили из Чикаго. Придется срочно лететь туда. Сегодня же вечером.

О нет! Только не сегодня, Том, ее глаза потемнели, погасли.

И даже не знаю, сколько я там пробуду, теперь к его грусти присовокупилось неистовое отчаяние – и голодная страсть. Он заглянул в ее потускневшие глаза. Это был предпоследний этап игры. Уже через пару минут она жадно сорвет с него одежду и сама повалит его на постель.

Мэри удержала его взгляд, потом заметила вывеску на углу здания через дорогу: ОТЕЛЬ СПЛЕНДИД. Том, смотри, он обернулся, глянул на вывеску и вновь впился взглядом в ее сияющие глаза.

О, пойте песенку на шесть пенсов, и карманы набиты зерном, и все в таком духе. Эта цыпочка изголодалась изрядно. Она такая голодная, что Гарри аж испугался и на секунду не только пожалел о том, что затеял эту игру, а чуть было и вовсе не бросился наутек. Времени у них было мало (гораздо меньше, чем ей представлялось), и когда завершился первый раунд, у них не нашлось и минутки, чтобы выкурить сигарету и пошутить, ей так не терпелось скорей угоститься (о, неплохой каламбур), она буквально набросилась на него и взяла в рот, и Гарри пробрал озноб: он представил, что она людоедка и сейчас съест его целиком, по-настоящему, но после его возмущенного вскрика она извинилась и вспомнила о хороших застольных манерах, и Гарри вздохнул с облегчением и взмахом руки пожелал ей приятного аппетита.

Времени было в обрез, а желания в избытке, но они сделали все, что смогли, с тем, что есть. И если подумать, то сделали они немало. Они уж точно не были разочарованы этим «Полуденным отдыхом фавна» с элементами зажигательной ебли. Но время все-таки поджигало, и мысли о работе уже настойчиво лезли в голову, так что они проявили сознательность, встали с постели (Жаль, что обедать пришлось на бегу [О, отличная шутка]) и пошли в душ вдвоем.

Большая плоская головка душа выдавалась из стены над широченной ванной, что создавало ощущение открытого пространства. Они намылили друг друга, растерли повсюду, и время от времени Гарри запускал мыльные пальцы во всякие интересные места, и вскоре стало понятно, что работа и время могут еще немножечко подождать, Гарри уложил Мэри на спину, взгромоздился на нее сверху и вновь оприходовал прелестную деву под плеск воды, что лилась ему на спину и стекала в ванну, пока все его существо пело радостную песнь плотской любви, а большой палец ноги затыкал слив для воды. Когда песня закончилась (но мелодия все еще звенела в воздухе), он тоже лег на спину, вытянувшись рядом с ней, и они просто лежали под струями падающей воды, смеясь и скользя мокрой кожей по белой эмали.

Но, увы и ах, ход времени неумолим, и очищающий летний дождь был решительно выключен, а разомлевшие тела – быстро вытерты насухо крошечными полотенцами. Когда они закончили вытираться, Гарри отобрал у нее полотенце, медленно погладил ее по плечам, глядя ей прямо в глаза, потом резко притянул к себе и уткнулся лицом ей в шею. Ты потрясающая женщина, Мэри, он поцеловал ее в плечо, в шею, в губы.

О, Том, она закрыла глаза, покачнувшись в экстазе, мой драгоценный, прекрасный Том, я люблю тебя.

Он ничего не ответил, и она не сказала больше ни слова, но еще пару секунд Гарри продолжал ее целовать, затем они оба оделись и поспешили исполнить свои обязательства перед временем и работой.

Прощаясь с Гарри на углу, Мэри смотрела на него мечтательно сияющими глазами. Ты же придешь в парк, когда вернешься из командировки?

Конечно, приду, он ласково улыбнулся и сжал ее руку. До свидания, Мэри.

До встречи, Том.

На обратном пути к себе в офис Гарри знал, что ему больше не нужно ходить проверять, ждет ли она на скамейке у озера. Она будет ждать еще долго. И кто знает, возможно, когда-нибудь он вернется. Да... когда ему в следующий раз захочется пообедать сухим пайком, ха-ха-ха. Впрочем, она очень даже хороша в постели, эта цыпочка. По крайней мере, когда проголодается. Какое, к черту, проголодается?! Она умирает от голода. Но у нее ненасытные аппетиты. Не в смысле потешить свою распаленную гениталию. Любовь, вот что ей нужно. Она хочет любви. Нежной заботы. Понимания и тепла. Наверняка она будет хорошей женой – но не для меня. Очень жаль, мы могли бы неплохо проводить дневные часы (полтора или два), чтобы скрасить обеденный перерыв. Впрочем, возможно, все еще переменится, когда он утолит голод после парочки сытных обедов.

В любом случае, игра закончилась. В процессе все было забавно, очень даже забавно. Хорошо, что дамочка не слишком расчувствовалась. Такая приличная женщина. Можно не сомневаться, что сегодня она в первый раз в жизни наставила рога своему муженьку. Интересно, что он подумает, когда она вечером придет домой со светящейся кожей и сияющими глазами? Впрочем, скорее всего, он вообще ничего не заметит. Может быть, он и вправду козел, как она говорила. Но бьюсь об заклад, ставлю на кон твою сладкую задницу, что пройдет две недели, и все сияние потухнет. Бедная сучка. Даже как-то ее жалко. Представляю, какими словами она меня вспомнит... Но когда-нибудь она скажет мне «спасибо». По крайней мере, теперь она знает, что ей не надо сидеть и томиться в ожидании муженька. Теперь она знает, что ей тоже можно провести вечер с друзьями, ха-ха-ха... Да, может быть, я сэкономил ей кучу времени и избавил от многих проблем. Интересно, скоро ли она поймет, что ей тоже позволено веселиться в свое удовольствие?

Гарри вышел из лифта, помахал рукой секретарше в приемной и устремился к своему столу. Но прежде чем он успел сесть, к нему подошла секретарь мистера Уэнтворта. Где ты был?

Я обедал. А что, ты скучала по мне, Луиза?

Я-то нет, а вот мистер Уэнтворт, похоже, скучал – Гарри быстро взглянул на часы – и жутко злился, когда уходил.

Госсподи, уже так много времени?

Честно сказать, я удивилась, что ты вообще потрудишься вернуться на рабочее место. Или ты просто пришел пораньше на завтра? Она тихонько рассмеялась.

Спасибо, что заражаешь меня весельем, нахмурился Гарри. А что он хотел?

Выкладки и расчеты по проекту Комптона и Брисбена. Мы нашли кое-что у тебя на столе, но там были не все нужные документы.

О Госсподи, настроение сразу упало на ноль, да вот же они, он открыл ящик стола и достал несколько папок с бумагами и стопку блокнотов. А почему они вдруг понадобились сегодня? Мистер Уэнтворт говорил, что они будут нужны ему завтра.

Видимо, все поменялось в последний момент, она пожала плечами, и встречу с клиентом в срочном порядке перенесли на сегодня. У тебя все подготовлено? Мистер Уэнтворт сказал, что позвонит, если потребуются точные данные. Он сказал... О, кто-то звонит.

Луиза пошла отвечать на звонок, а Гарри продолжил раскладывать документы, надеясь – почти молясь про себя, – что мистер Уэнтворт не позвонит. Ему вдруг стало дурно при мысли, что, может быть, это он сейчас и звонит. Борясь с тошнотой, Гарри взглянул на Луизу, которая что-то писала в блокнот и кивала, держа трубку у уха. Он попытался привлечь ее внимание интенсивно пристальным взглядом, но она продолжала сосредоточенно слушать и делать записи. Внезапно его пробрала дрожь, кости и плоть словно свело судорогой тревоги. Госсподи, Луиза, посмотри на меня, бога ради. Гарри почувствовал, как задержались пальцы у него на ногах. Глаза заслезились от напряженного взгляда. Черт возьми, его челюсти плотно сжались, кто звонит? Он или не он???

Луиза повесила трубку, уткнулась носом в блокнот и только потом заметила, что Гарри на нее смотрит. Она уставилась на него, не понимая, что с ним такое и почему он так пристально смотрит, а затем поняла, улыбнулась и покачала головой. Нет. Гарри мысленно вздохнул с облегчением, словно ему дали отсрочку в исполнении смертного приговора, но тут же сообразил, что отсрочка будет недолгой. Даже если он избежал газовой камеры, его все равно очень скоро отправят на виселицу. Он тряхнул головой. Госсподи, что происходит? Это просто безумие. Он посмотрел на бумаги, в беспорядке разбросанные на столе, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и сказал себе: успокойся, расслабься и подготовь документы. Он еще раз обвел взглядом бумаги и принялся аккуратно раскладывать их по порядку.

Луиза уже собралась уходить, но на минуточку задержалась у стола Гарри. Ты что, собираешься здесь ночевать?

Ну, я подумал, что, может быть, задержусь ненадолго, сказал он немного застенчиво и смущенно. А то вдруг мистер Уэнтворт будет звонить.

Вряд ли он позвонит, если не позвонил до сих пор.

Да, наверное, ты права. Пожалуй, я тоже начну собираться домой.

До свидания, Гарри. До завтра.

Да. До свидания. Гарри выпрямился на стуле и собрался уходить, но решил задержаться до половины шестого. У него было чувство, что, если он посидит на работе лишние полчаса, то все сразу исправится, и сегодняшнее происшествие как бы отменится, словно ничего и не было вовсе.

Происшествие???? А что, черт возьми, произошло? Чего все так взъелись? Я выполняю свою работу. Что им от меня надо? Госсподи, можно подумать, я кого-то убил или что. Какой сегодня длинный день. Господи. Кажется, прошли годы с тех пор, как я стоял на углу и ждал эту как ее там... Как-то все странно. Не понимаю. Такой длинный день... Я хорошо делаю свою работу. Что они до меня докопались? Черт, черт, черт. Я не знаю, в чем дело, но что-то явно не так.

Он вышел из здания, прошел пару кварталов по Пятой авеню, голову распирало от мыслей в словах и картинках, затем сел в автобус и доехал до Сорок второй улицы. Оттуда потопал на запад, к Таймс-сквер. Сегодня толпы народа на улицах как-то особенно угнетали, уши болели, словно что-то давило на них изнутри, словно сейчас их проткнут ножичком для колки льда, и ощущение было такое, будто ему на глаза нажимают двумя огромными невидимыми пальцами.

Он заглянул в «Грантс», взял два хот-дога и молочный сок, потом пошел дальше по Сорок второй и зарулил в первый попавшийся кинотеатр. Он не слишком вникал в происходящее

на экране, не понимал, что за фильм там идет, но боль в голове унялась, что уже хорошо. Он столько раз проигрывал в мыслях события прошедшего дня, пытаясь найти в них хотя бы какое-то подобие смысла, что ему явно грозило умственное истощение, а мелькание образов на экране отвлекало его от бесплодных отчаянных размышлений и помогало снять стресс.

Он просидел в кинотеатре пару часов и поехал домой. Время от времени в грохоте метрошного поезда ему явственно слышалось *Комптон и Брисбен, Комптон и Брисбен*, и он тряс головой и сосредоточенно разглядывал пассажиров или рекламу на стенах вагона, пока шум в ушах не превращался в обычное грохотание колес.

На следующий день Гарри явился в контору пораньше, чтобы точно быть на месте, когда придет мистер Уэнтворт. Он дважды перепроверил всю документацию по Комптону и Брисбену, чтобы убедиться, что все подготовлено, и попытался заняться другой работой, но никак не мог сосредоточиться, потому что волнение не отпускало, и он то и дело невольно поглядывал на дверь, нервно притоптывая ногой под столом.

Сегодня Гарри решил обойтись без традиционного утреннего кофе и слойки – а то вдруг мистер Уэнтворт придет именно в тот момент, когда он отлучится в кафетерий, – но теперь пожалел, что ему было нечем перебить этот противный металлический привкус во рту и унять лютый голод внутри. Все его тело как будто зудело в тревожном ожидании, даже кончики волос. Он попытался изобразить на лице абсолютную сосредоточенность, но ощущение было такое, что кожа сейчас лопнет.

Слава Богу, Уэнтворт наконец появился. Гарри чувствовал, как кровь стучит у него в висках; на груди проступил жаркий пот, на груди и еще под глазами; сердце бешено колотилось где-то в районе горла, живот скрутило судорогой. Он проводил мистера Уэнтворта взглядом, готовый расплыться в улыбке, если тот к нему обернется, но мистер Уэнтворт прошел к себе в кабинет, не глядя по сторонам.

Затем Гарри ждал – ждал и ждал, – и каждая минута казалась вечностью. Даже не верилось, что время может тянуться так медленно и что человеку бывает так плохо просто от ожидания. Его и вправду мучило, и приходилось судорожно сглатывать подступающую тошноту, и эти невидимые пальцы, нажимавшие на глаза, давили все сильнее и сильнее. Он сидел за столом, ждал, когда его вызовет мистер Уэнтворт, нога бесконтрольно стучала по полу, и все его силы уходили на то, чтобы контролировать мышцы анального сфинктера. Кожа горела, словно ее облили расплавленным свинцом, и он знал, что в любую минуту может сорваться, вскочить на ноги и заорать дурным голосом, и уже из последних сил глушил в себе этот крик, подступающий к горлу вместе с тошнотой. Он чувствовал, как по спине течет пот, у него свело пальцы на правой ноге, и когда коммутатор у него на столе все-таки запищал, резанув по ушам, он чуть не выпрыгнул из своей

кожи.

Уайт, зайдите ко мне. Гарри сам не поверил, что такое бывает, но стоило встать, и голова у него пошла кругом. Что, черт возьми, происходит? Это какое-то безумие. Он попытался придать лицу деловито-сосредоточенное выражение, но его тело и разум буквально кипели от избытка эмоций, и он совершенно не представлял, как выглядит со стороны, но знал, как именно он себя чувствует. Как запаршивевшая овца, которую ведут на бойню. Он был настолько ошеломлен всеми этими ощущениями – самым фактом, что он испытывает эти жуткие ощущения, – что на секунду ему показалось, будто он не в состоянии сдвинуться с места. Он вновь попытался сделать уверенное лицо и вошел в кабинет.

Вы выбрали очень неподходящее время, чтобы забить на работу, Уайт!

Прошу прощения, мистер...

Не надо мне никаких оправданий. У меня нет времени все это выслушивать. К счастью, мне удалось убедить партнеров, что им не нужны данные, которых у меня не было вчера, так

что мы не потеряли заказчика, пока еще нет – Гарри мысленно вздохнул с облегчением, – но не вашими стараниями. Время покажет, пока ничего неизвестно. Вот документы, которые я взял вчера, он швырнул на стол пару папок, пожалуйста, подготовьте все данные, как положено. На той неделе я снова встречаюсь с партнерами. Вчера мне пришлось попотеть, чтобы организовать эту встречу, и в следующий раз у меня должна быть вся информация. Вам ясно?

Да, сэр. Я...

Сегодня я надиктую миссис Уиллс подробные пояснения к проекту, она передаст вам копию, как только перепечатает их начисто. Я хочу быть уверенным, что вы внесете все необходимые поправки в наш презентационный отчет.

Да, сэр, Гарри кивнул, я...

Я хочу, чтобы презентация проекта прошла безупречно. Вы меня поняли? Безупречно!

Да, сэр, Гарри снова кивнул и взял со стола папки.

И еще одно. Гарри замер по стойке «смирно», изображая самое пристальное внимание. Эти ваши отлучки в обеденный перерыв – Гарри судорожно сглотнул, мысленно моля о пощаде, – их больше не будет. Вам понятно? Не будет!

Да, сэр, он застыл, боясь пошевелиться.

Вы один из лучших, один из самых перспективных работников среди нашей молодежи, мистер Уэнтворт откинулся на спинку стула, но мне плевать, будь вы хоть лучшим из лучших, для компании вы бесполезны, если вас нет на месте. Вам понятно? Легчайший кивок. В этой фирме у вас замечательные перспективы. У вас есть все данные, чтобы при должном старании подняться наверх по карьерной лестнице... на самый верх. Но – обратите внимание, это важно – вы должны сами хотеть подняться. Очень сильно хотеть. Больше всего на свете. Вот ключ к успеху. Он вполне достижим, но вам его не подарят за просто так. Мы можем дать вам возможность для роста, а дальше уже все зависит только от вас. Я ясно выразился?

Да, сэр. Более чем. Гарри надеялся, что уже скоро все кончится и можно будет вернуться к себе за стол, рухнуть на стул и вдохнуть полной грудью.

Хорошо. Теперь займитесь работой и сделайте все в лучшем виде, как вы умеете. Когда закончите, отдайте все документы миссис Уиллс.

Он все-таки продержался. Гарри буквально физически ощущал, как расслабляется его разум и тело, пусть медленно, но расслабляется. Он сидел у себя за столом и тряс головой, все еще не веря в происходящее – не веря, что паника идет на спад, не веря, что он мог так остро отреагировать. Его до сих пор легонько потряхивало от страха.

Когда Гарри решил, что просидел на рабочем месте достаточно долго, чтобы произвести впечатление на всех, кто мог за ним наблюдать, он молча встал и пошел в туалет. Умылся холодной водой и, опустив крышку, сел на унитаз, чтобы слегка отдышаться. Ему хотелось снять с себя все, принять холодный душ и переодеться в сухое. Через пару минут он кивнул, вернулся к себе за стол и погрузился в работу. По Комптону и Брисбену делать было особенно нечего, пока Луиза не принесет распечатки, так что Гарри занялся другим проектом. Постепенно до него начало доходить, что у него дергаются обе ноги и ощутимо зудит в паху. Он незаметно сунул руку под стол и почесал себе промежность, один раз, другой, третий, и только потом осознал, что у него мощный стояк. Он вдруг вспомнил о Мэри и даже подумал, не пойти ли ему в парк – она должна быть на скамейке у озера уже через пару минут, – и не сводить ли ее в отель, но быстренько отклонил эту идею. Сегодня он должен быть на работе, любой ценой. Но, Госсподи, как же его прихватило. Ему прямо до боли хотелось секса. Такого с ним не бывало еще никогда. По крайней мере, он такого не помнит. Его буквально трясло от возбуждения. Он попытался сосредоточиться на работе, но все мысли вращались вокруг эрекции и безудержного зуда в паху, и каждый раз, когда он отрывал взгляд от бумаг, ему виделся пушистый кустик между ног Мэри, и его язык словно вновь прикасался к ее ягодицам или к напрягшемуся соску, и Гарри ерзал на стуле, а когда стало понятно, что терпеть больше нет сил,

виновато огляделся по сторонам и опять побежал в туалет – мастурбировать. Когда все завершилось, он снова уселся на унитаз, прямо так, со штанами, спущенными до лодыжек, и еще долго сидел, свесив голову, сглатывая едкую горькую рвоту, подступавшую к горлу, и пытался вспомнить, когда он в последний раз гонял лысого, но вспомнить не смог. Его щеки пылали от стыда и раскаяния, и он озадаченно тряс головой, не понимая, что с ним происходит.

Ладно, хрен с ним. Он встал и оделся, вымыл руки, снова умылся холодной водой и пошел на обед.

Он потерялся, растворился и мыслями и ощущениями в толпах на улицах и в магазинах, затем зашел в кафетерий, съел сэндвич и снова нырнул в толпу. Он постоянно поглядывал на часы, чтобы вернуться в контору минут на пять-десять пораньше.

По возвращении с обеденного перерыва он себя чувствовал растерянным и утомленным, но теперь ему не приходилось сражаться с наплывом незнакомых, пугающих ощущений, и он все-таки смог сосредоточиться на работе. В середине второй половины дня Луиза вручила ему распечатки, и он с головой погрузился в проект и даже слегка удивился – приятно удивился, – когда ровно в пять Луиза похлопала его по плечу и сказала, что пора домой.

Уже? Ого, как летит время!

Да, особенно если зарыться в работу, как ты сегодня. Знаешь, Гарри, она придвинулась чуть ближе, ты очень нравишься мистеру Уэнтворту. Он считает, что ты самый лучший и самый многообещающий из всех молодых управленцев.

Спасибо, Луиза, сказал он с искренней благодарностью, скромно потупившись. Это приятно.

Я просто подумала, что надо тебе сказать, она улыбнулась. До свидания, Гарри. До завтра.

Гарри сложил все бумаги в аккуратную стопку и направился к выходу. К метро он шагал пружинистой легкой походкой. Даже не верилось, что еще вчера, целую жизнь назад, он уныло плелся к автобусной остановке, еле передвигая ноги. Причиной нынешней легкости было, как можно понять, несказанное облегчение – он уже получил нагоняй от мистера Уэнтворта, а значит, самое страшное позади, – да и выговор, вопреки ожиданиям, оказался не таким уж и строгим. И, конечно же, замечание Луизы тоже подняло ему настроение. Но облегчение, на самом деле, было вторичным по отношению к радостному волнению, что придавало упругости его походке и четкой ясности – мыслям.

Луиза верно подметила насчет «зарыться в работу». И оно помогло. В конце концов сосредоточенность на работе прогнала сбивчивые посторонние мысли и захватила его целиком, и он уже снова был Гарри Уайтом – способным и весьма перспективным молодым управленцем в крупной компании. Отложив остальные проекты, Гарри бросил все силы на расчеты для Комптона и Брисбена. Уже под конец рабочего дня данные из распечаток, принесенных Луизой, начали складываться в некое подобие системы, согласующейся с информацией, которую Гарри запомнил из предыдущих спецификаций. Он быстро проверил документацию и сделал кое-какие расчеты. Кажется, он нашел способ сэкономить не только время, где-то неделю, но и деньги тоже... по примерным подсчетам, несколько сот тысяч долларов. Охваченный радостным предвкушением, он даже не замечал давки в метро. Он уже с нетерпением ждал завтра, чтобы скорее вернуться к расчетам.

На следующий день он приехал в контору пораньше, быстро съел в кафетерии традиционную утреннюю слойку с сыром и помчался проверять свою новую идею. К десяти утра он убедился, что был прав. Он передохнул полминуты, потом разложил все документы в нужном порядке, еще раз все перепроверил, чтобы убедиться, что он ничего не упустил, и чтобы собрать дополнительную информацию в поддержку своей идеи. К началу второй половины дня он был готов представить доклад мистеру Уэнтворту.

Его вновь поразило, как быстро меняются ситуации – еще вчера он до дрожи боялся предполагаемого разговора с шефом, а сегодня прямо-таки рвался, горя нетерпением, к нему в кабинет.

Он подготовил графический конспект своего предложения, разложил записи на столе мистера Уэнтворта и принялся объяснять, в чем заключается его идея – объяснять все по порядку, пункт за пунктом, ссылаясь на данные от клиентов, на спецификации по проекту и на собственный опыт компании по уже завершенным сделкам.

Я думаю, вы правы, Гарри. Да, чертовски похоже на то. Мы сэкономим дней пять или даже неделю и как минимум несколько сот тысяч долларов только на первоначальном этапе. И кто знает, сколько еще на этапе внедрения. В сочетании с уже имеющимися преимуществами, мы гарантированно обходим всех конкурентов. Гарри, Уэнтворт похлопал его по спине, вы проделали замечательную работу. Я вами горжусь.

Спасибо, мистер Уэнтворт, он улыбнулся, рад это слышать.

Знаете что – размышлял вслух Уэнтворт – думаю, мы сэкономим еще больше денег и времени, если учтем некоторые нюансы уже действующих разработок и применим ту же методику для дальнейших проектов. В любом случае, это не ваша забота. Вы занимайтесь своей работой, готовьте презентационный доклад в том ключе, в каком вы сейчас мне излагали, и будем внедрять. Они улыбнулись друг другу, Гарри собрал свои бумаги, и мистер Уэнтворт похлопал его по спине на прощание.

Следующие несколько дней пролетели стремительно, как стрела – насколько хватает стремительности стреле, запущенной во влажную духоту нью-йоркского лета. Гарри провел выходные с друзьями на Файер-Айленде, в атмосфере обычного исступленного приморского веселья с легким оттенком истерии. Он купался, гулял по пляжу, бродил среди дюн, смотрел на далекий морской горизонт, плескался в волнах прибоя, загорал, играл в волейбол, стойко выдержал быющую по ушам какофонию нескольких вечеринок и трахнул парочку телок.

На следующей неделе Гарри было поручено несколько срочных заданий, и он снова зарылся в работу, эта его вовлеченность только подогревала энтузиазм, несший его, как на крыльях, сквозь рабочие будни, поездки в метро и вечера, которые он проводил главным образом дома, смотрел телевизор с родителями или читал книгу.

В пятницу мистер Уэнтворт сообщил, что контракт по проекту Комптона и Брисбена подписан, и пригласил Гарри провести сегодняшний вечер в приятной компании. В знак благодарности за проделанную работу. Обеспечу тебе лучшую увеселительную программу, как самому перспективному из клиентов, он улыбнулся и подмигнул Гарри.

Я только «за», кивнул тот со смешком.

Они ждали девочек в отеле «Плаза», в номере люкс. Девчонки приехали в половине восьмого, и Гарри сразу же понял, что вечер определенно удался. Гарри, это Элис. А это... Черри. Я подумал, что тебе нравятся рыженькие, и попросил Элис подобрать для тебя самую лучшую.

Привет.

Здрасте.

Привет.

На самом деле, мне нравятся всякие, он улыбнулся, все рассмеялись, но должен признать, Элис постаралась на славу.

Уэнтворт разлил по бокалам спиртное, был произнесен первый тост, звякнули кубики льда, и какое-то время они просто сидели – болтали, разогреваясь холодными напитками. Гарри впервые в жизни общался с профессиональными проститутками, и не просто какими-то проститутками, а сотрудницами Культурно-развлекательного комитета по связям с общественностью, из подразделения «скорее-раздевайся-нам-надо-поговорить, пойдем-в-постель-чтобы-я-тебя-лучше-слышала». О да. Это шоу-бизнес, детка.

После второго бокала они отправились ужинать в ресторан, и Гарри уже предвкушал, как бросит палку этой рыженькой Черри.

И палку он бросил. Причем не одну. У Черри это была лучшая ночь за все время работы в отделе по связям (преимущественно половым) с общественностью. После ужина они прошлись по ночным клубам, где активно заигрывали друг с другом, хватая друг друга за все места под столом, после чего вернулись в отель.

К тому времени Гарри так распалился, что как только они вошли в номер, он набросился на Черри, даже не дав ей раздеться, и зарылся лицом в ее сочную, соблазнительную промежность. Когда он все-таки оторвался от нее, чтобы глотнуть воздуха, он помог ей раздеться, и они еще долго резвились в постели, пока их обоих не сморил сон, спокойной ночи, пока-пока.

Наутро Уэнтворт проявил себя истинным генеральным директором крупной компании и щедро расплатился с девочками наличными, отдал им все деньги, которые были в бумажнике и в карманах. Когда они с Гарри стояли на тротуаре в ожидании такси, мистер Уэнтворт похлопал Гарри по плечу и хитро прищурился. Хорошая ночка, да, Гарри? Девочки просто умницы. Надеюсь, тебя не слишком замучили за ночь?

Нет, все прошло замечательно, он улыбнулся и попытался придать себе вид лихой и бывалый, с моей точки зрения уж точно. Уэнтворт рассмеялся и сказал, уже садясь в такси, в понедельник жду тебя на работе свежим и отдохнувшим, Гарри.

Вечером в воскресенье Гарри поехал с друзьями в Шипсхед-Бей на танцы, и, как обычно, вскоре ушел с половинкой супружеской пары, с нижней половинкой. Все прошло как всегда, за одним исключением: Гарри заснул. И понял это только утром в понедельник, когда отчаянно жмурился, чтобы свет солнца не бил в глаза. Вот тут-то его и прошибло, что он не дома. Он растерянно огляделся, сообразил, где находится, и потихонечку вспомнил события прошлой ночи. Где-то около двух или трех Ольга (если ее так зовут) перевернула его на живот и принялась массировать ему шею и плечи – и это последнее, что он помнит. Он резко сел на постели и посмотрел на часы, затем вскочил как ошпаренный, стремительно принял душ, оделся, поцеловал Ольгу а левую щеку – или в левую ягодицу – и убежал.

Дома он быстро переоделся и помчался к метро. В вагон он влетел, запыхавшись, но все же не слишком переживая из-за опоздания, хотя буквально недавно ему был сделан строгий выговор. После пятничной ночи у него не должно быть проблем с Уэнтвортом. Если он спросит, почему я опоздал, я скажу, что был с девчонкой и потерял счет времени. И все же, чтобы не усугублять ситуацию, Гарри решил отказаться от своего традиционного кофе со слойкой.

Он вошел в офис почти в десять, без двух-трех минут, и почему-то ему показалось существенным, что он опоздал меньше чем на час. Мистер Уэнтворт уже был на месте, но это не создало никаких сложностей. Гарри уселся за стол и открыл папку с проектом, над которым сейчас работал. Минут через десять мистер Уэнтворт позвонил ему по внутреннему телефону, и Гарри взял трубку. Да, сэр?

Уайт, есть время трудиться и время отдыхать, и человек, нацеленный на успех, никогда не путает одно с другим.

Щелк! Конец разговора. Гарри не сразу отреагировал на тишину в трубке, строгий голос начальства и щелчок разъединения все еще звучали фантомным эхом у него в голове. Особенно этот щелчок. Окончательный и бесповоротный. Совершенно неумолимый. Гарри положил трубку на место и ощутил, как внутри у него разрастается взвихренная пустота. Господи, только не снова. Это просто безумие. То хорошо, то вдруг плохо. Вновь хорошо, и вновь плохо. Что-то явно не так...

Ладно,

все в жопу. Это не так уж и важно. Займусь работой, и вся эта хрень – в чем бы она ни заключалась – позабудется и пройдет. И он снова зарылся в работу.

Честно зарылся на всю неделю и сократил свои обеденные перерывы до пятидесяти минут. Однако со временем благородный порыв иссяк, и все стало как раньше: Гарри быстро обедал в буфете, а в остальную часть времени до конца перерыва гулял по Пятой авеню или прохаживался по магазинам.

Время от времени, не так уж и редко, на самом деле, он думал о Мэре и об их пылком свидании в отеле «Сплэндид». Сама по себе она его совершенно не интересовала – это не женщина, а сплошная головная боль, и Гарри старательно избегал появляться у озера в парке, – но в те недели, пока он ее обольщал, у него было чем занять время. Однако он хорошо помнил, что было после отеля, и ему не хотелось вновь подвергать себя такой пытке. Ни за что на свете.

Поэтому Гарри просто гулял по улице, периодически заруливая в магазины, и старался держаться подальше от парка.

3

В один прекрасный день Гарри ходил – глазел по сторонам в отделе мужской одежды в универмаге, и тут какая-то женщина неожиданно обернулась и налетела прямо на него, сумочка выпала у нее из рук и раскрылась, все содержимое раскатилось по полу. Прошу прощения, виноват.

Нет, это я виновата. Я так резко сорвалась с места.

Давайте я вам помогу, он помог ей собрать все, что выпало на пол, и в процессе заметил, как заманчиво блеснули ее капроновые чулки, когда она опустилась на колени рядом с ним.

Спасибо, она защелкнула сумочку, еще раз извините.

Он улыбнулся, ничего страшного не случилось.

Я увидела объявление о распродаже, она виновато хихикнула, и ломанулась, как слон в посудной лавке.

Если бы все слоны были похожи на вас, я бы уехал жить в Африку. Она улыбнулась в ответ на комплимент и, похоже, немного расслабилась. А что там за объявление? Где?

В отделе галстуков.

О... да. Ищете что-то для мужа?

Нет, она улыбнулась, для папы. У него день рождения.

Тогда позвольте, я помогу вам с выбором. Я настоящий эксперт и по галстукам, и по папам.

Правда?

Чистая правда. У меня есть и то, и другое. Они рассмеялись, подошли к прилавку и принялись рассматривать галстуки. Я так понимаю, вам нужен шелковый.

Ой, я не знаю. Я совершенно не разбираюсь в галстуках.

Без паники. Ваши проблемы уже решены. Какой у него цвет волос?

Ну, она прищурилась, прикусив губу, темные с проседью. Седина в основном на висках. Смотрится очень даже благородно.

Разумеется, ведь он ваш отец. По-другому и быть не может, он улыбнулся в ответ на ее улыбку. И обычно ваш папа носит серые или темно-синие костюмы?

Э... да, наверное. Откуда вы знаете? В ее взгляде читалось искреннее изумление. Потрясающе.

О, он небрежно взмахнул рукой, это элементарно, мой дорогой Потсон². Вот, эти полоски хорошо сочетаются со всеми оттенками серого или синего. Ну, или почти со всеми.

О, прекрасно. По такой цене я могу взять сразу два. Гарри показал ей еще несколько галстуков, она внимательно их рассмотрела, покачала головой и сказала, что не знает, какие выбрать.

Мы не бросим прелестную юную барышню в таком затруднении. Вот, Гарри взял со стойки два галстука, берите их. Я уверен, он будет доволен. Отличные галстуки на любой случай.

Хорошо, она улыбнулась, заплатила за галстуки, попросила, чтобы их завернули в подарочную бумагу, и они с Гарри вышли из магазина. Гарри взглянул на часы, потом – на нее и виновато пожал плечами. Похоже, мне надо бежать. Tempus poистине fugit³, когда проводишь его с приятностью.

² Доктор Потсон – герой пародии на рассказы о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, напечатанной в 1901 году в одной из английских газет.

³ Tempus fugit – время летит (*лат.*).

Еще раз огромное вам спасибо. Если бы не вы, я бы, наверное, до сих пор выбирала, что взять.

Рад был помочь.

Вы просто спасли мне жизнь, ее улыбка была по-настоящему искренней. Как бы выразить вам признательность...

Я знаю, что можно сделать, он обаятельно улыбнулся. Вы пообедаете со мной завтра.

С удовольствием. Где?

Ну... Может быть, прямо здесь? Через дорогу. В час дня.

Хорошо. Я приду.

Госссподи, у нее такая приятная улыбка. Теплая и... настоящая... да, именно. Настоящая. Очень искренняя. До конторы он мчался бегом и сумел прийти вовремя – на самом деле, с опозданием на две минуты, – сразу занялся работой и только потом осознал, что он сделал: назначил на завтра свидание. Нутро обожгло жаркой волной предвкушения и страха, живот слегка прихватило. Да ладно, подумаешь, большое дело! Ну, пообедаем вместе. Никто от этого не умирал. Стоит ли так волноваться из-за обеда и пары галстуков? Он разогнал все тревоги мысленным взмахом руки. Одно свидание за обедом это еще не смертельно.

Особенно если обед получился таким вдохновенным и радостным. Она буквально искрилась восторгом, когда сообщила ему, что папе очень понравились галстуки. И он сказал это не просто, чтобы сделать мне приятное... ты же знаешь, всегда можно понять, искренне говорит человек или нет – Гарри кивнул – они и вправду ему понравились. Он их сразу примерил.

Да, обед был восхитительным. Один из лучших часов, которые ему выпадали за последнее время... Он даже не помнил, за какое именно время. Они болтали о пустяках, часто смеялись, и о чем бы ни говорили, это было легко и приятно. Когда пришло время возвращаться в контору, Гарри, захваченный замечательным настроением, чуть не спросил, не хочет ли она пообедать с ним завтра, но все же сумел вовремя остановиться. Может быть, пообедаем в пятницу? Ты свободна в обеденный перерыв?

Да, вполне.

Снова здесь?

Да, давай. Тут очень мило. Перед самым уходом она схватила Гарри за руку и улыбнулась. Еще раз спасибо.

Не за что, он улыбнулся и помахал ей рукой.

Гарри снова бежал со всех ног, особенно последние полквартила, но опять опоздал к окончанию перерыва. Правда, меньше чем на пять минут. Слава Богу. Кажется, никто ничего не заметил. Никто не хмурился, никто не смотрел на него с укором. Но в душе все равно поселилась смутная тревога. Что-то его беспокоило. Но это же глупо. С чего бы ему волноваться? Он с ней просто обедает. Что в этом такого? С ней приятно общаться, вот и все. Он вполне контролирует ситуацию. Беспокоиться не о чем. Все под контролем.

На следующий день с приближением обеденного перерыва Гарри почувствовал некоторую нервозность. Не потому, что он думал об этой – Госссподи, я даже не знаю, как ее зовут. Черт возьми. Это просто смешно – а потому, что не знал, как убить время. Обычная прогулка по улицам и магазинам почему-то казалась бессмысленной и бестолковой. Он прошел пару кварталов до кофейни, где еще не бывал, медленно съел свой обед и неторопливо вернулся в офис. Шел, слегка наклонив голову и глядя прямо перед собой.

Обед в пятницу прошел восхитительно, они снова много смеялись, и в какой-то момент Гарри вдруг осознал, что он начал игру. На секунду он испугался этой мысли, потом мысленно пожал плечами и продолжил игру. Хелен отличалась от Мэри, а значит, игра пошла чуть по-другому.

Одно из отличий состояло в том, что Хелен не упоминала о муже, а значит, и Гарри тоже избегал этой темы. Ему было бы любопытно узнать, что там за муж, но он рассудил, что рано

или поздно она сама о нем заговорит, а пока можно прибегнуть к обычной тактике – жаркие взгляды, ладонь, как бы невзначай легшая на бедро – попеременно с улыбками и комплиментами.

Гарри вернулся в офис с опозданием на десять минут и сразу же погрузился в работу, сделав вид, что сидит у себя за столом уже как минимум минут пятнадцать. Он вытер лоб тыльной стороной ладони, мол, вот как старательно я работаю, но его голова была занята совершенно другим. Он вдруг покраснел, вспомнив, что предложил ей встретиться в понедельник и опять пообедать вместе – Да, с удовольствием. Хорошо. Давай здесь же, в час дня. Он вовсе не собирался проявлять к ней какой-то повышенный интерес. Да, иногда можно встречаться в обеденный перерыв – и лучше как бы случайно, – а если уж договариваться о встрече, то не раньше середины следующей недели. Ладно, ничего страшного. Сегодня он чуть ослабил контроль, но такого больше не повторится. На следующей неделе все будет иначе.

И все было иначе. Они обедали вместе каждый день, и Гарри стал замечать за собой, что вечером накануне он думает о завтрашней встрече, как он будет улыбаться и прикасаться к Хелен и как именно повернется игра, а на следующий день выяснялось, что игра идет как бы помимо него, и он сам за ней не поспевает. И он допустил несколько элементарных ошибок в рабочих расчетах. Такого с ним не бывало еще никогда, эту работу он всегда делал на автомате, не задумываясь ни на миг, а теперь вдруг напортачил, причем не раз. Луиза заметила две ошибки, и Гарри быстренько их исправил, но одна все же дошла до мистера Уэнтворта, и он посмотрел на Гарри с удивлением и, кажется, с раздражением. Ты хорошо себя чувствуешь, Гарри?

Да, сэр. Хорошо. Просто я почему-то...

В последнее время ты сам на себя не похож. Я настоятельно рекомендую прийти в себя.

Да, сэр, Гарри кивнул и вышел из кабинета Уэнтворта.

Что, интересно, имелось в виду? На что он намекал? Госсподи, да тут готовы распять человека за опоздание на пять минут! Гарри исправил ошибку и пошел на обед. Он подождал пару минут, но Хелен все не было. Он взглянул на часы. Без десяти час. Госсподи, получается, он ушел на пятнадцать минут раньше. Черт! Впрочем, ладно, хрен с ним. Работа все равно сделана. По крайней мере, какая-то часть. Если потребуется, я могу задержаться в конце рабочего дня.

Хелен пришла, и игра продолжалась. Гарри отдался игре целиком. Вернувшись в контору, он попытался сосредоточиться на работе и наверстать упущенное время, но в голове образовался некоторый сумбур. Не то чтобы ему мешали какие-то посторонние мысли – просто он смотрел на знакомые цифры и графики, и они почему-то казались совершенно невразумительными и далекими. Ему пришлось трижды перепроверить расчеты, которые раньше он делал влет. И хотя он ничего не успел и к пяти часам сделал меньше, чем собирался, он не стал задерживаться на работе, чтобы все закончить. Все равно бесполезно. Но ничего, завтра будет новый день. Завтра он справится на ура. У всех бывают плохие дни. Завтра наверняка станет лучше.

Однако лучше не стало. Не то чтобы все было совсем-совсем плохо, но уж точно не хорошо. На самом деле, вообще непонятно, как именно. Что-то явно было не так, это он понимал, но не мог сообразить, *что* не так. Что-то расплывчатое, не поддающиеся никакому определению; собственно говоря, единственным признаком... неисправности служил тот факт, что работа разладилась. Он делал ошибки, которые никогда раньше не делал; совершенно рутинные операции отнимали значительно больше времени, а иной раз и вовсе казались практически неподъемными; и никаких новых идей. Может быть, потому, что теперешняя работа и не предполагала никакого новаторства. Да, наверное, поэтому. Цифры другие, но базовые процедуры все те же. Да, именно так. Как только появится что-то по-настоящему интересное, я сразу взбодрюсь, и все будет хорошо. Беспокоиться не о чем.

Но, слава Богу, есть обеденные перерывы. Без них эта неделя была бы уже совсем тухлой. Уж не знаю, к чему приведут эти ежедневные свидания за обедом, но я и вправду чертовски рад, что они есть.

Наконец наступила пятница, а вместе с ней и конец рабочей недели – и уверенность, что на следующей неделе все обязательно станет лучше. За обедом Хелен спросила, не хочет ли Гарри сходить вечером в театр, им на работе раздали бесплатные билеты.

Да, конечно, я буду рад, он подумал о ее муже – и что у них за отношения, – но не стал поднимать этот вопрос.

Весь день до вечера все мысли Гарри были заняты только игрой, как бы он ни старался направить их в рабочее русло. Пытаясь сосредоточиться на работе, он чувствовал внутреннее напряжение, обескураженный собственной категорической неспособностью выполнять простейшие задачи. Временами ему казалось, что голова сейчас взорвется, но затем ощущение проходило, и он секунду – в который раз – отрывался от работы и думал об игре и о муже Хелен. Интересно, что он будет делать сегодня вечером? Может быть, как обычно, пойдет веселиться в мужской компании.

Ужин прошел замечательно. Спектакль оказался комедией и очень смешной. Потом они с Хелен прошлись по Бродвею, и вскоре она сказала, что ей надо домой. У меня неудобные туфли для пеших прогулок, и я так смеялась, что у меня все болит. Потрясающее представление.

Да, очень смешное. Где ты живешь?

Рядом с Грамерси-Парком.

О, так это недалеко. Можно дойти пешком.

Спасибо, не надо, они оба рассмеялись.

Их приятный легкий разговор продолжался всю дорогу до ее дома, и когда она вошла в квартиру и включила в прихожей свет, Гарри тоже вошел, принимая негласное приглашение. Он огляделся, закрыл за собой дверь и наконец-то спросил, где ее муж.

О, я не замужем, Гарри ошеломленно уставился на нее. Я просто ношу обручальное кольцо, она взмахнула левой рукой, чтобы отпугивать надоедливых хищников на работе, она улыбнулась и рассмеялась, верное средство. То есть, конечно, они все равно предпринимают попытки, но я отвечаю, что дома ждет муж. Постепенно справившись с потрясением, Гарри заулыбался. Я им показываю фотографию моего старшего брата и говорю, что это мой муж, вот смотри, она открыла бумажник и показала ему фотографию человека, который был очевидно намного выше шести футов ростом и весил как минимум двести сорок фунтов сплошных мышц. Гарри расхохотался. Да уж, верное средство. Они оба долго смеялись.

Это были чудесные выходные. В субботу утром она приготовила ему на завтрак яичницу по-итальянски, а чуть позже они поехали кататься на катере по заливу. Потом обед, кино, прогулка по городу (она надела удобные туфли) и обратно домой. Простые, спокойные и приятные выходные; и когда вечером в воскресенье Гарри собрался уходить, поцеловав ее в губы и похлопав по восхитительной заднице, он не стал договариваться об обеде на понедельник или на любой другой день. Он вышел на улицу, оставив за дверью подъезда и Хелен, и выходные, и, как он думал игру.

По дороге домой Гарри понял, что провел выходные с незамужней бабенкой (если тот парень и вправду брат, а не муж), и никаких сложностей не было. Он не стал уделять слишком много внимания этой мысли, просто отметил, что она есть, и принял к сведению. Теперь как минимум стало понятно, что в будущем можно не прилагать столько усилий, чтобы исключить вариант с незамужними.

Когда Гарри пришел домой, родители сидели в гостиной. Он хотел радостно помахать им рукой, но наткнулся на мамин обиженный, растерянный взгляд и передумал. Ты пропустил бабушкин день рождения, вчера вечером. Ей исполнилось семьдесят пять. Гарри поморщился, боль была такой острой, такой внезапной, что он на мгновение утратит дар речи. Он просто

молча смотрел на маму, и секунды растягивались в бесконечность. Кое-как он поднялся к себе наверх. Тошнота плескалась в желудке, сводила судорогой горло. Ему хотелось кого-то ударить... хотелось кричать, схватившись руками за голову... сорвать дверь с петель и разбить ее в щепки... хотелось расплакаться...

что-нибудь...

что угодно...

но он мог только сидеть, и трястись, как осиновый лист, и пытаться понять, что происходит и почему. Он ее любит. Госсподи Боже, он и вправду влюбился. Как???? Почему????

В понедельник он пришел на работу без опоздания и сразу взялся за дело. Работы было довольно много, но все как всегда. Обычные рутинные задачи. Ничего нового или сложного. Ничего, что могло бы потребовать от него колоссальных усилий.

Обеденные перерывы тоже проходили в обычном режиме коротких прогулок по улицам и магазинам. На середине следующей недели он стал замечать, что постоянно притоптывает ногами, когда сидит за столом, нервно ерзает на стуле и слишком часто встает, чтобы сходить к питьевому фонтанчику, чего никогда раньше не делал, потому что не любит пить простую воду, он и сейчас лишь мочил губы, хотя иногда отпивал по маленькому глоточку.

Из-за этого нервного беспокойства ему не сиделось на месте, и он стал уходить на обед на несколько минут раньше и возвращаться с обеда на несколько минут позже. Гуляя по улицам, он много думал, пытаясь разобраться в своих ощущениях, и так погружался в эти размышления, что у него в голове клубилась чернота, и он прямо чувствовал, как она растекается по его внутренностям, и рефлекторно хватался за единственное решение, которое знал.

Он зашел пообедать в кафе и, оглядев зал, заметил свободное место за столиком, где сидела в одиночестве какая-то телка. Они мило поболтали, он проводил ее до работы и вернулся к себе в контору с опозданием на десять минут. Обед не снял нервное возбуждение, но Гарри хотя бы перестал копать в себе.

И так день за днем: беспокойство не отпускало, и Гарри нарочно затягивал обеденные перерывы, чтобы у него было время прогуляться подальше от офиса и разведать еще незнакомые кварталы, отвлечься на внешние впечатления и не смотреть внутрь себя.

Он стал относиться к работе небрежно, чего никогда не позволял себе раньше. Теперь у него появилась привычка откладывать все до последней минуты и браться за дело, когда сроки уже поджимали. Он знал, что это чревато проблемами, но едва у него возникали подобные мысли, он гнал их прочь, внутренне пожимая плечами. Однажды в пятницу он заканчивал расчеты, необходимые к понедельнику, и исподволь тянул время, и устроил себе еще более долгий обеденный перерыв, и откровенно бездельничал до конца рабочего дня, намереваясь закончить все в спешном порядке утром в понедельник. Расчеты простые, привычные, он с ними справится быстро, и при явном цейтноте у него будет стимул не опаздывать на работу в понедельник.

Вечером в воскресенье он познакомился с очередной Ольгой и в понедельник пришел на работу в начале одиннадцатого. Мистер Уэнтворт ничего не сказал, лишь выразительно посмотрел на него. Ему и не требовалось ничего говорить, и Гарри внутренне содрогнулся, когда произнес «Доброе утро». Он сразу взялся за дело и закончил расчеты в срок, но беда уже грянула. Слава богу, начался обеденный перерыв.

В полном смятении Гарри отправился в ближайший к офису кафетерий. Самоанализ уже превращался в дурную привычку, и он прямо физически ощущал, как у него закипают мозги, пытаясь осмыслить, что с ним творится и почему. Он старался нащупать момент, когда все началось – не так давно, в этом он был уверен, – надеясь, что если получится определить поворотную точку во времени, он сумеет распознать причины происходящего и сможет как-

то поправить дело. Ему надо понять, что происходит, чтобы предотвратить что-то подобное в будущем. Предупрежден – значит вооружен. Но чем старательнее он искал эту точку, чем ближе, судя по внутренним ощущениям, к ней подбирался, тем сильнее становился сумбур в его мыслях, и все как будто тонуло в тумане, и он внутренне тряс головой, прогоняя тревожные образы.

Но оставались другие вопросы. Много вопросов. С чего бы он вдруг стал постоянно опаздывать на работу и почему Уэнтворт словно специально его дожидается, чтобы выразить неодобрение? И почему он стал так безответственно относиться к работе? Он действительно любит свою работу, и устремления у него самые амбициозные. Как-то все странно. Совершенно бессмысленно.

Его разум по-прежнему барахтался в мешанине слов, мыслей и образов, когда он вдруг осознал, что стоит перед столиком, держит в руках уставленный едой поднос и улыбается какой-то телке. Тут свободно? Можно присесть?

Да, она кивнула, не отрываясь от еды и от книги.

Гарри уселся за стол и через пару минут извинился и спросил у соседки, нравится ли ей книга. Я читал отзывы, но так и не собрался прочесть саму книгу. Он улыбнулся.

Хорошая книга, мне нравится. Она интересная. И... необычная.

Да, так и было написано в отзывах. Я не знал, что она вышла в мягкой обложке.

Кажется, еще в прошлом году, она открыла страницу с выходными данными. Да, точно. В прошлом году.

Надо же! И где я был, интересно? Он улыбнулся и покачал головой, смятение в расплывчатых мыслях и конфликт чувств вроде бы улеглись, пока он ел и болтал со своей симпатичной соседкой.

После обеда он проводил ее до работы, старательно следя за собой, как следил все последние дни, чтобы не назначить ей свидание на завтра. Он опоздал лишь на пару минут, и хотя легкая нервозность еще оставалась, внутри уже не бурлила тревога, и Гарри занялся работой в своем новоприобретенном равнодушно-медлительном темпе.

На следующий день он пришел на работу пораньше, но ему все равно пришлось поднапрячься, чтобы закончить расчеты в срок – расчеты, которыми он занимался уже больше месяца. Само по себе это не представляло проблемы, но мистер Уэнтворт позвонил в половине десятого и попросил взять один небольшой, но очень срочный проект, и Гарри пришлось объяснять, что ему надо закончить другую работу, и в голосе Уэнтворта явственно слышалось раздражение (злость?), когда он сказал, что отдаст проект Дэвису.

Гарри сидел, возмущаясь чуть ли не вслух. Что-то явно пошло не так, еще понять бы, что именно. Чего он вообще до меня докопался, этот Уэнтворт? Что ему от меня надо? Звонит в последний момент со своим срочным проектом, а потом злится, что у меня есть другая работа, которую надо закончить сегодня утром. Я думал, эта работа закончена еще на прошлой неделе. Ты думал, да? Мало ли кто что думал. Если бы ты не сидел целый день, запершись в своем чертовом кабинете, ты, может быть, был бы в курсе, что происходит в твоём отделе.

Отдаешь проект Дэвису? Да ради бога. Кого это колышет? Мне теперь что, разрыдаться, потому что ты отдал срочную работу кому-то другому? Да шел бы ты лесом.

Быстро сходить к питьевому фонтанчику, смочить губы холодной водой и вернуться за стол. Он буквально набросился на работу, завершил ее стремительно и аккуратно и ушел на обед, даже не сознавая, что до обеденного перерыва оставалось еще двадцать минут.

Он прошел пару кварталов – внутренний голос продолжал возмущаться и бормотать, – и вот он уже снова стоит с подносом в руках и спрашивает у какой-то девицы, можно ли присесть к ней за столик.

Ее начальник уехал из города на всю неделю, и она совершенно не торопилась возвращаться с обеда, так что они не спеша поболтали за кофе, а потом прогулялись по улице. Прежде

чем распрощаться, Гарри спросил каждый ли день она обедает в том кафе. Она сказала, что да. Тогда, если мне повезет, завтра я снова тебя увижу.

Может быть, улыбнулась она.

На обратном пути Гарри почувствовал слабые толчки надвигающейся тошноты, но быстро отбросил смутные тревожные мысли, что пытались пробиться на поверхность сознания. Даже если он собирается пообедать с какой-то цыпочкой, и что с того? Это его личное дело. Оно ничему не мешает и уж точно никого не ущемляет.

Он вернулся в контору еще позже обычного, и взгляды коллег ошутимо жгли спину, он прямо чувствовал, как они смотрят сперва на часы, а потом на него, словно пытаясь его заклеить самим временем. Стиснув в руке карандаш, Гарри зашуршал бумагами у себя на столе, объявляя о своем возвращении и мысленно посылая всех к черту, всех вместе и каждого по отдельности, а тебя, Уэнтворт, и куда подальше.

На следующий день он все так же полыхал яростью, которую тщательно подогревал со вчерашнего вечера, но не мог ее сосредоточить на чем-то конкретном или направить в определенную сторону – она просто была. Бесновалась внутри и пыталась пробиться наружу. Он неторопливо жевал свою традиционную слойку и цедил кофе маленькими глотками, пока тот не остыл и не сделался совсем невкусным, но он все равно его пил и не пошел на работу, пока не доел все до крошки и не допил все до капли.

Он сел на стол, атаковал калькулятор и несколько раз чуть не продрал лист блокнота карандашом. Он старательно медлил, чтобы растянуть работу до конца дня, но ее оставалось так мало, что он закончил еще до обеда, несмотря на все прилагаемые усилия. Завершив эту проклятую работу, он швырнул карандаш на стол и пошел на обед.

Когда он добрался до кафе, его вчерашняя знакомая как раз становилась в очередь. Пока они болтали, медленно продвигаясь к кассе и набирая еду на подносы, его внутреннее беспокойство потихонечку улеглось, и когда они наконец сели за столик, он быстро включился в общение и даже вроде увлекся. Он прямо чувствовал, как расслабляются напряженные мышцы в спине и плечах, за приятной беседой ни о чем.

Где-то на середине обеда он ощутил слабый толчок возбуждения, идущий к горлу из глубин нутра, и почувствовал, как все меняется в нем и внутри, и снаружи. Мышцы бедер легонько подергивались, глаза чуть прищуривались каждый раз, когда он смотрел на нее, кончик языка скользил по верхней губе, рука сама потянулась смахнуть пару крошек с ее колен, и вот он уже положил ладонь ей на бедро и пристально смотрит ей прямо в глаза, как бы раздевая ее взглядом – и ее, и себя, – и он чувствовал, что где-то внутри у него есть еще один Гарри, который наблюдает за происходящим и хочет все прекратить. Она без смущения выдержала его взгляд, и накрыла его руку своей рукой, и улыбнулась в ответ на его безмолвный вопрос.

После обеда они прогулялись по улице, и каждый раз, оглябая прохожих, он как бы случайно касался предплечьем ее груди и улыбался, глядя ей в глаза, и толчки возбуждения в животе становились все ошутимее, пока тот, другой, Гарри пытался оторвать его от игры, но все уже вышло из-под контроля, и Гарри был скорее зрителем собственных действий, нежели действующим лицом; они говорили о кинофильмах, и разговор сам собой перешел на порнуху, и Гарри почувствовал, как затянулся узел возбуждения – и дергается все сильнее, – и при этом он очень остро осознавал ход времени, и пьянящее чувство опасности нарастало с каждой минутой, но его уже захватило ощущение полного единения с собственной похотью, пробуждавшейся при одном взгляде на спутницу. Он отвел ее в сторонку, подальше от потока прохожих, встал почти вплотную к ней и принялся говорить, продолжая смотреть ей в глаза, как ему хочется трахать ее до потери сознания, и его откровенная похоть распалила и ее тоже; он взял ее за руку и повел в отель «Сплендид», и все разрозненные ощущения слились в единый восторженный вихрь предвкушения.

Когда все закончилось, Гарри отправился в ближайший бар, сел в дальнем углу и попытался распутать клубок перемешанных чувств, что бурлили внутри. Он их не понимал. Вроде бы он сожалел, что не сможет вернуться в контору вовремя, и даже чувствовал себя виноватым, словно сделал что-то плохое, но не знал, что именно; он испытывал смутное желание что-то изменить, но, опять же, не знал, что именно. Он допил свой бокал и подумал, что все-таки надо идти на работу, но при одной только мысли об этом его бросило в жар, лоб покрылся испариной, спина разом взмокла. Он просто не может заставить себя прийти в офис на два часа позже. Хотя он честно попробовал встать. Но его словно парализовало. Он заказал еще выпить и решил позвонить на работу, сказать, что ему стало плохо и он едет домой. Он позвонил Луизе и сообщил, что он, кажется, заболел, его прихватило еще на обеде, и он больше часа просидел в туалете и не мог позвонить раньше, и все это время он чувствовал, как тот, другой, Гарри наблюдает за ним и качает головой, и поспешил завершить разговор, пробормотал «до свидания» и повесил трубку.

Второй бокал он пил медленно и даже подумал, а не ужраться ли в хлам, но его не особенно привлекала эта идея, к тому же он не умел нажираться. Просто не знал, как это делается. Никогда не вливал в себя столько спиртного, чтобы напиться по-настоящему. Едва почувствовал легкое опьянение, он сразу же прекращал пить.

На третьем бокале он попытался найти себе повод для ярости, что-то такое, на что можно будет направить весь накопившийся гнев, что-то, что можно определить как причину этих тревожных и странных чувств, опалявших его изнутри, но желания явно не совпадали с возможностями. В конце концов он оставил бесплодные попытки, залпом допил бокал и поехал домой.

На следующий день он вышел из дома в обычное время, чтобы у мамы не возникало вопросов, потом позвонил на работу и сказал, что заболел. Он до сих пор не придумал, как объяснить свое вчерашнее отсутствие после обеда, размышлял целый вечер и все равно не измыслил ничего более-менее правдоподобного. Но если сегодня он возьмет отгул, ни у кого не возникнет сомнений, что он действительно болен, и, может быть, завтра никто и не станет его расспрашивать.

Он пошел в кинотеатр на Сорок второй, посмотрел два старых вестерна, потом прогулялся до Брайант-парка, где сел на скамейку и долго сидел, пряча взгляд ото всех, даже от голубей. Он себя чувствовал слишком заметным, ему казалось, что все прохожие на него смотрят и удивляются, что он тут делает. Он просидел так, сколько смог, наблюдая за голубями, смутно прислушиваясь к звукам музыки, игравшей где-то по радио, и пытаясь увлечься бликами света, что сверкали на листьях деревьев, и косыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву, и пляской теней на земле... цветами, кустами, статуями... безуспешно. Как бы он ни старался оставаться на этой скамейке, пока время проходит само по себе, ему не сиделось на месте. Он поднялся и обошел пару раз по периметру, упорно глядя себе под ноги.

Завершив круг, он побрел в библиотеку в надежде, что там найдется, чем себя занять, но ничего не нашлось, и он лишь бесцельно бродил по залам вдоль уставленных книгами стеллажей, и сам не заметил, как вновь оказался в Брайант-парке. Он вернулся на Сорок вторую, дошел почти до Таймс-сквер и опять зарулил в кинотеатр. Думал высидеть весь сдвоенный сеанс, но ушел в самом начале второго фильма. Спустился в метро и поехал обратно в Бруклин.

Он решил заглянуть в «Кейси» и сразу приметил в глубине бара Тони и Эла. Госсподи Боже, ты глянь, кто пришел. Сегодня что, воскресенье?

Ага, или шесть вечера. Привет, дружище.

Привет.

Мать честная, Гарри, ты тут с какой такой радости? У тебя шеф склеил ласты или чего? Они оба расхохотались, а Гарри подтащил табурет и уселся за стойку.

Иди в жопу, Эл... эй, Пэт, дай мне пива. И этим двоим тоже по пиву, а то они тут заскучали, и некому их, бедненьких, угостить.

Вот это дело, вот так мне нравится.

А если без балды, Гарри, что-то случилось?

Ничего не случилось. А что должно было случиться? Человеку нельзя просто так взять отгул?

Можно, они опять рассмеялись, кому угодно, но не тебе. Ты никогда не берешь отгулы, а если даже берешь, то не ходишь сюда.

Ну, вот сегодня пришел. Взял отгул и хочу выпить пива.

С чего вдруг?

Решил провести небольшое исследование.

Чего за исследование?

Изучение халявщиков и лоботрясов в их естественной среде обитания. И я подумал, что никто меня не просветит лучше вас.

Эй, что за грязные инсинуации? Все рассмеялись, и Пэт тоже.

Думаешь, если я каждый день не таскаюсь в офис...

В смысле,

ты не таскаешься в офис? А тут что, не офис...

Ну, да, все опять рассмеялись. Думаешь,

если я каждый день не мотаюсь в метро, то я не работаю? Да я больше вкалываю, играя на скачках, чем ты, сидя на жопе в своей конторе. И снова все рассмеялись.

Да уж, наверное.

Кстати, о работе. Как же ты взял отгул? Ты не боишься, что работа исчезнет, пока тебя нет?

Гарри улыбнулся в ответ на их дружное ржание. Я подумал, что можно рискнуть.

Ну, я всегда говорил: посидишь в «Кейси» подольше, и узришь чудо. И вот я зрю чудо. Гарри берет отгул и идет в «Кейси». За это надо выпить. Тони поднял бокал, и Эл его поддержал. За Гарри – рискованного человека, они осушили бокалы и грохнули ими о барную стойку, а Гарри улыбнулся, стараясь полностью включиться в беседу, чтобы не думать о том, что творится у него внутри.

Эй, Пэт, еще три пива.

Пойдешь с нами вечером в «Форт»? Сегодня там намечаются знатные поединки.

Ага, особенно главный бой во втором полусреднем.

Да? Гарри пожал плечами. Может быть, и схожу.

Он сидел, потихоньку потягивал пиво и растянул третий бокал почти на час, хотя Эл с Тони сокрушались, что он от них отстает. Гарри слушал их разговоры, улыбался, смеялся, говорил сам, не особенно включаясь в происходящее, но и не прислушиваясь к муторным внутренним ощущениям.

Он пошел с ними на бокс, в компании с еще несколькими парнями, по дороге они заглянули поужинать в итальянский ресторанчик, и когда уже рассаживались на трибуне, он почувствовал, что слегка расслабляется. Бои проходили на уличном ринге, вечер выдался ясным и теплым, из гавани веяло приятным ветерком, и Гарри потихоньку проникся общим боевым настроением и с интересом следил за схватками. Почти все разогревочные бои прошли вполне бодро, а один был и вовсе хорош, затяжной равный бой с техничными нокдаунами, но основной поединок вечера оказался и вправду реально крутым, и Гарри увлекся по-настоящему, и вскочил на ноги вместе со всеми, и вопил во весь голос, и подбадривал своего фаворита.

После бокса они вернулись в «Кейси», но Гарри не стал засиживаться допоздна и вскоре ушел домой. Лежа в постели, он размышлял о сегодняшнем дне, и о вчерашнем, и о позавчерашнем, о прошлых неделях и месяцах, и внезапно живот свело ледяной судорогой, и он безотчетно подтянул колени к груди, чтобы ослабить давление, а когда судорога наконец отпу-

стила, он больше не думал о сегодняшнем дне – и вообще ни о чем, – просто закрыл глаза, и с помощью пива, выпитого за день, погрузился в тяжелый беспокойный сон.

Если это вообще можно было назвать

сном. Гарри не ворочался в холодном поту, не просыпался каждые пять минут, но ему снился сон, непрерывный и долгий – возможно, всего один эпизод, повторявшийся вновь и вновь, – который не отпускал, но удерживал на самой грани пробуждения, не давая погрузиться в беспамятство и полностью отключиться от яви, из-за чего спящий разум не получал необходимого отдыха, а мятущийся дух – облегчения. Такой простой, глупый сон, совершенно не стоящий стольких мучений. Сон, не дающий как следует выспаться, должен быть по крайней мере хоть сколько-нибудь интересным и зрелищным или наполненным сексуальной символикой.

И уж точно не таким банальным, как поездка по городу в автомобиле, в нормальном потоке уличного движения: ты себе едешь спокойно и вдруг замечаешь, что на машине прямо перед тобой включаются тормозные огни, и ты убираешь ногу с педали газа, но нога застревает под педалью тормоза, а та машина, которая впереди, она все ближе и ближе, и ты пытаешься вытащить ногу из-под педали, чтобы успеть надавить на тормоз и не впилиться в машину, которая впереди, и, разумеется, все происходит словно в замедленной съемке, и кажется, эти мгновения сближения повторяются вновь и вновь, и ты никогда не ударяешься в ту машину, но и не знаешь, что именно произошло или произойдет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.